

**ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

**МАТЕРИАЛЫ
XXV НАУЧНОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ЛИНГВИСТИКА**

Тарту 1970

XV
A-6581

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

МАТЕРИАЛЫ
XXV НАУЧНОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ЛИНГВИСТИКА

XV	Тартуский ун-т.	
A-6581	1970.	
Материалы XXV науч- ной...	V240121	
Tagastada	Pil.nr.	Allkiri
8.V1971	8784	
21.III 77	5196	10
1982	6365	

Тарту 1970

Ответственные редакторы: П.А. Руднев, П.С. Сигалов.

Редколлегия: А.Н. Байбурин, В.С. Гусева, М.С. Давыденко,
И.В. Душечкина, Э.Н. Завгородняя, Л.Н. Киселева (секретарь редколлегии), К.А. Кумпан,
А.С. Левитина, Л.И. Петина, С.М. Оленева,
М.Х. Таммур.

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
240121

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

О. Байбуз
(Тарту)

В.И.ЛЕНИН В ПОЭМАХ МАЯКОВСКОГО И ТВОРЧЕСТВЕ ЭЙЗЕНШТЕЙНА

1. Интерес к документальному решению исторической темы в творчестве Маяковского и Эйзенштейна. Теоретические дискуссии в литературе и кинематографии 1920-х гг. и историко-документальная тема.
2. Poleмика по вопросу об изображении истории средствами искусства. Роль "октябрьской темы" как модели революционного подхода к истории.
3. Значение образа Ленина в художественном решении октябрьской темы Маяковским и Эйзенштейном. Соотношение "личного" и "исторического", роль документа в поэзии и фильме. Игровой и документальный материал в фильме "Октябрь". Место фильма в истории советской кино-ленинианы.
4. Воздействие Маяковского на Эйзенштейна. Влияние дискуссий по проблемам кинематографии на поэтику Маяковского.
5. Маяковский и Тынянов. Ленинский номер "ЛЕФ'а". Тынянов и Эйзенштейн. Проблема большей конкретности кинодокумента по сравнению с монтажом-документом в художественной литературе.
6. Значение образа Ленина в поэзии Маяковского и творчестве Эйзенштейна для современности.

К. Кумпан
(Тарту)

ЛЕНИНСКАЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ XIX ВЕКА И ДИСКУССИЯ О СЛАВЯНОФИЛЬСТВЕ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

1. Методологическое значение ленинской периодизации русского освободительного движения. Специфика 1840-х - 1850-х гг.
2. Poleмика революционных демократов и славянофилов. Особенности полемических статей как исторического источника.
3. Сложность исторической обстановки 1840-х гг. Оценка борющихся лагерей писателями, стоящими вне обоих лагерей (Чаадаев, Жуковский, Гоголь). Сложность судеб декабристской тра-

диции в эти годы.

4. Складывание упрощенной историко-литературной концепции в либеральной историографии второй половины XIX столетия. Лыпин, его заслуги, историческая ограниченность его концепции.
5. Мемуарная литература как источник материалов полемики западников и славянофилов. Влияние публицистики и трудов историков на мемуарную литературу, создававшуюся во вторую половину XIX века.
6. Дискуссия по проблемам славянофильства в науке XX века.
7. Споры в советском литературоведении. Современное состояние проблемы. Итоги дискуссии 1969 г.

А. Байбурин

(Тарту)

О РЕАЛИЗАЦИЯХ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В РУССКИХ
ПОХОРОННЫХ ПРИЧИТАНИЯХ

0. Причитание рассматривается как ритуальный текст, который является записью обряда и его компонентом. В подтверждение первого (запись) приведем один из фрагментов - описание пространственной расстановки участников обряда:

И куда сесть мне будет, беднушке?
Сесть во резвие ль во ноженьки,
Иль сесть ко буйной головушке,
Иль супротив сердца ретивого?
Как посмотри бедна горьшица,
Как во буйной во головушке
Сидит горьша бедна матушка,
А во резвях во ноженках
Сидит супруга - молода жена... ¹

Будучи частью обряда (его словесным компонентом), текст несет магическую нагрузку, о чем свидетельствуют не только многочисленные элементы заклинаний ("Вы не веите, ветры буйные..."), но и то обстоятельство, что по своей функции причитания сопоставимы с клятвами, заговорами, богами. В отличие же от заговора, очень важным является рассмотрение семантики, "внутренней структуры" причитания ², где одной из специфических черт является отсутствие (неупотребление) имени собственного (в дальнейшем РН - Ргорег Наме - обозначение имени собственного, принятое в литературе по онома-

¹ Цит. по кн.: Причитания, Изд. "Советский писатель", 1960, стр. 254.

² Роль содержательной стороны причитаний особенно подчеркивается их исполнителями. См., напр., М. К. Азадовский, Ленские причитания, Чита, 1922, стр. 23.

тике) 3.

1. РН заменяются в тексте т.н. описательными именами, или терминами родства. И то и другое мы рассматриваем как реализации РН.

Напр.: Дах ты послушай-ко, пожалуйста,
Соколочек, родимой братец...

Или: Она брала поскорешеньку,
Человека деловитого... 4

2. Замены РН в причитании мы подразделяем на три типа.

а) Конструкции - символы ("Пала- пала с небеси звезда"; "Укатилось красное солнышко..."), которые представляют собой отрывки заговорных формул и являются наиболее устойчивой частью текста, обычно обрамляя его;

б) Термины родства, оказывающиеся наиболее распространенным типом замены:

Ты послушай, сирота же вдова матушка!
Уже где да есть родитель то наш батюшка?
(Барсов, ч.2, с.248).

По нашему мнению, роль терминов родства, их большой вес в семантике причитаний является проявлением забытого смысла обряда, заключавшегося в урегулировании родственных отношений. Деформация функции обряда проявляется на уровне текста в многочисленных случаях смешения отдельных фрагментов, относящихся к разным типам описания. Особенностью причитаний является и ярко выраженная стратификация РН. Объект описывается с точки зрения представления информанта о его связях

3

Нами обнаружено всего 2 случая регистрации РН в причитаниях: 1) Д.Готье, "Вопи", Весьегонского у., Тверской губ., - "Этнографическое обозрение", 1897, № 4, стр.112; записано от профессиональной вопленицы Е. Николаевой; 2) Причитания Северного края, собранные Е.В.Барсовым, ч.1, М., 1872-1882, стр. 74.

4
Причитания, Изд. "Советский писатель", Л., 1960, стр.255.

с различными социальными группами (родственники, соседи) и месте среди них.

Спаси господи крестьян да православных,
Что послушали победную головушку.
Да вы сделали колоду белодубову,
Ископали да вы погреба глубокие
Про ульянслива суседа спорядового!

(Барсов, ч.1, с.171)

в) Описательное имя-"портрет":

Говорила мне ка белая лебедушка:
.....
Что болят да крепко резвы мои ноженьки,
Что устали нонь девочки мои рученьки,
Изменился белой свет да со ясных очей.

(Барсов, ч.1, стр.114)

Это наиболее конкретный и в то же время самый вариативный тип именования. Конкретность проявляется в стремлении "зарисовать" объект (это - еще одно подтверждение тезиса о записи обряда причитанием). Логично, что именно по данным местам тексты отличаются друг от друга.

3. Причитания, как и многие другие фольклорные тексты, характеризуются большой избыточностью. При этом обнаружилось интересное явление: каждый фрагмент, каждая "порция информации", интерпретируется минимум три раза. Акт смерти может быть описан на уровне мифологических представлений ("засыхание травы"), родственных связей:

Оставят меня, горьшу - горегорькув,
На веки-то вдовой на вековечные.

(Барсов, ч.1, стр.1)

Затем почти всегда следует еще одно, самое развернутое и поэтому представленное максимальным количеством вариантов описание, где нередки случаи контаминации мотивов, исполь-

зование светлых ходов, характерных для произведений других жанров (историческая песня, былина):

Мы не заперли новых сеней решетчатых,
Незавдвинули стекольчатых околенок,
У ворот да мы не ставили приворотчиков...

(Барсов, ч. I, стр. 1)

Возможны и другие типы описаний. Так, с принятием церковного института это же явление переосмысливается в соответствии с христианской системой символики:

Да как сойдешь ты на иное живленьце
На второе на Христово на Пришествие...

(Барсов, ч. I, стр. 350)

5. Не трудно догадаться, что каждый вид реализации PN соответствует определенному типу описания и является его манифестацией. Композиционно они имеют свои места в тексте (а следовательно, и в обряде). Расположение следующее: описание на уровне символов → определение родственных отношений → иконическая запись. Семантическая интерпретация имен: СИМВОЛ → ИНДЕКС → ИКОНА.

6. В результате описанной "перекодировки" в причитаниях происходит конкретизация PN от символа до иконического, наряду с повышением степени вариативности описания; на содержательном уровне, в свою очередь, наблюдается движение от "мифологического" к "фактическому". С точки зрения композиционной структуры, происходит трехступенчатое "сужение образа" ⁵.

7. Ритуальная нагрузка PN (их замен) проявляется в функции инвоцирования (называние=вызывание). На этом тождестве построены основные моменты вербальной магии (ср. сказочную формулу "Сивка бурка, вещая каурка...", некоторые типы заговоров). Причитание рассматривается как упорядоченная (трехмерная) система инвокаций.

⁵ Для русской лирической песни см.: Б. М. Соколов, Эскурсы в область поэтики русского фольклора, - "Художественный фольклор", М., 1926, № 1, стр. 30-53.

А. Байбурин

(Тарту)

ФУНКЦИЯ ЗАГАДКИ В СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ

0. Связь загадки со свадебным комплексом легко прослеживается по этнографическим описаниям, сказкам, мифам. Закономерен вопрос о характере этой связи, о месте загадки в обряде, ее роли в нем.

1. Генетически загадка восходит к "тайному языку" племени, возникшему в результате широко разветвленной системы табуирования. Словарь этого языка представляет собой набор описательных конструкций, которые интерпретируются фольклорной традицией как "загадки" (очевидно неудобство этого термина при рассмотрении функционирования загадки в историческом плане; загадка предполагает отгадку, а "отгадать" - значит нарушить табу).

2. "Тайный язык" осваивается в постинициационный период вместе с приобщением к другим тайнам коллектива, т.е. носителем этого языка мог быть только взрослый член племени, имеющий право жениться.

3. Свадьба не может быть осуществлена до прохождения инициационного комплекса, включающего период "обучения". (Ярким примером последовательного прохождения обрядов и невозможности изменения порядка являются так называемые "свадьбы мертвецов", когда с умершим неженатым юношей проделывают необходимые свадебные ритуалы, прежде чем перейти к похоронному обряду).

4. Необходимость сигналов, оповещающих в нужных случаях о статусе их носителя, приобретает особое значение в предсвадебной ситуации. Таким сигналом является владение "тайным языком". Т.е. испытание жениха загадками имеет своей основной целью выявление сведений о его положении в коллективе, степени взрослости, причем эта ситуация никогда не подразумевает "отгадывания" в форме названия, что мы наблюдаем при современном функционировании загадок.

5. Наша гипотеза применяется для новой интерпретации известного эпизода встречи юноши с Февронией в древнерусской повести о Петре и Февронии.

Е. Пиотровская

(Ленинград)

О РУССКОЙ РЕДАКЦИИ "ПОВЕСТИ ОБ АКИРЕ ПРЕМУДРОМ"

I.

1. Целью работы является изучение так называемой III-ей (распространенной) редакции "Повести об Акире", которая существует во многих списках, наряду со славянской, но является созданием русского книжника, как принято считать, ХУП в. Редакция повести сохранилась в многочисленных списках ХУП-ХІХ вв. и до сих пор не исследована: в центре внимания ученых традиционно была славянская версия повести. Однако известный исследователь древней русской литературы В.Н. Перетц писал, что вопрос о судьбе текста повести в границах древней русской письменности представляется наиболее важным для историка русской литературы.¹

2. Главная задача исследования — текстологический анализ русской редакции повести по всем известным в настоящее время спискам (в работе исследуются 39 рукописных текстов "Повести об Акире", хранящиеся в библиотеках и архивах Ленинграда и Москвы).

II.

1. Анализ многочисленных приписок и владельческих записей на рукописях с текстом "русского Акира" обнаруживает широкую популярность повести и бытование ее в демократической среде.

2. Исследование списков позволяет выделить последовательные модификации ХУП и ХУШ веков, а также специфический северно-русский (Печорский) вариант повести, где в

¹ В.Н.Перетц, К истории текста "Повести об Акире Премудром", — ИОРЯС, т.ХХІ, кн.І, с.262-278. См. также: раздел, написанный О.В.Твороговым и посвященный "Повести" в коллективной монографии: Истоки русской беллетристики, М.—Л., изд. "Наука" (в печати).

центре внимания редактора – идея народного царя.²

3. В результате текстологического анализа обнаружено, что во многих списках при переработке русским книжником произошли следующие изменения:

- а) сокращение текста в целом (сокращение восточных загадок, исчезновение отдельных сюжетных линий);
- б) появление новых персонажей (посол *Елдега* и др.), соответствующих русским сказочным традициям;
- в) появление новых загадок и ответов, которые также можно связывать с традицией русского фольклора.

Русская версия "Повести об Акире" отличается от славянской не только изменением текста по объему, но также изменением интереса редактора к проблематике повести. На первый план выступает не общеэтический вопрос – проблема добра и зла (доброта Акира – неблагодарность Анадана), а тема судьбы оклеветанного человека, мудрого советника царя, первого человека в государстве. Поэтому основное внимание редактора привлекает не характеристика "злодейской" личности Анадана, отсутствующая в русской редакции (здесь его клевета и измена не мотивирована предшествующими поступками, о которых подробно рассказывается в славянской версии), а последствия его клеветы, причем мотив клеветы приобретает в русской редакции явно политический характер (Анадан говорит про Акира, что он хочет "на Алевите царем быть"). В связи с этим основным изменением сюжета и вырастают новые эпизоды повести (подробная характеристика богатства и высокого положения Акира, отсутствующая в славянской версии, скорбь царя, горестное положение жены Акира Феодулии).³

2. См. В.И.Мальшев, Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв., Сыктывкар, 1960, с.33.

3. Оставляем пока в стороне вопрос о тексте соловецкого списка, занимающего промежуточное место между славянской и русской редакциями, т.к. роль его текста в генеалогии редакций повести не выяснена. Предполагается, что редакция этого списка была промежуточным звеном между обшеславянской и русской редакциями. Но это не доказано, поэтому не исключена возможность того, что текст соловецкого списка соединил чтения славянской и русской редакций.

4. Традиционно возникновение русской редакции "Повести об Акире" принято связывать с бурным развитием повествовательной литературы и фольклоризацией древних сюжетов в XIII в. Однако, как оказалось, русская редакция "Повести об Акире" была уже известна книжникам XVI в.: в одной из редакций "Прения живота и смерти", созданной в 20–30 г. XVI в., используется текст "русского Акира".⁴ Этот факт позволяет предположить, что новая обработка повести русским книжником была своеобразным литературным откликом на сложную политическую борьбу к. XV – нач. XVI вв. (несомненно также интерес русского читателя этой поры к теме наследника).

Хотя все списки "русского Акира" относятся ко времени не ранее второй половины XIII в., но на основании анализа состава сборников можно обнаружить устойчивую традицию связи повести не только с сюжетными повестями XIII в. ("Повесть о Бове Королевиче"), но и с произведениями эпохи "смутного времени" ("Сказание и повесть известно, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов и како на него возста и попусти Бог врага и поругателя еретика Гришку Отрепьева розстригу отомстити неповинным крови пролитие новаго стратотерпца, благоверного царевича Дмитрия Углетцкого", "Убиение св. благоверного царевича Дмитрея Ивановича").⁵

Таким образом, русская редакция "Повести об Акире" могла быть связана с историко-литературным процессом нач. XIII в., когда после царствования Ивана Грозного в русской литературе широко обсуждалась проблема взаимоотношений царя и его советников.

Аналогичным образом произошло возрождение интереса к этой повести в XVIII в., когда был создан новый ее вариант, отразивший Петровскую эпоху (список Лонгинова).⁶

4. См. исследование "Повести о споре жизни и смерти", подготовленное Р.П.Дмитриевой, М.-Л., 1964, с.59, 165.

5. См., например, рукописи ГБЛ, Муз. 1567 и Муз. 3708.

6. Текст опубликован в названной работе В.Н.Перетца.

М. Антонова
(Ленинград)

**СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ "СЛОВА О ЖИТИИ И ПРЕСТАВЛЕНИИ
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА, ЦАРЯ РУСЬСКОГО "**

(В связи с вопросом атрибуции памятника)

"Слово" — один из интереснейших памятников московской литературы конца XIV — начала XV века, отразивший многие особенности нового "украшенного" панегирического стиля. В последнее время в исследовательской литературе получила распространение точка зрения, согласно которой автором этого произведения является Епифаний Премудрый.¹ Вопрос об авторстве решается здесь путем цитатного сопоставления текстов "Слова" и "Жития Стефана Пермского". Основным принципом анализа, предложенного ниже, является сравнение систем художественных средств обоих памятников.

I. Характеристика стилистики "Слова о житии"

1. Анализ переработки текста источников автором "Слова" ("Похвалы роду рязанских князей", "Жития Александра Невского") показывает, что для "Слова" характерно: введение метафор, сравнений, образов, восходящих к Библии, тенденция к замкнутой композиции, повторам и вариациям отдельных элементов.

2. При рассмотрении отдельных элементов стилистической системы "Слова" выясняются традиции и истоки метафорического строя исследуемого произведения; а именно, связь метафор "Слова" с библейско-византийской традицией.

3. При сопоставлении "Слова", летописной "Повести о разорении Москвы Тохтамышем" и "Жития Стефана Пермского" обнаруживается сходство некоторых стилистических приемов

¹ А. В. Соловьев, Епифаний Премудрый как автор "Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго", ТОДРЛ, т. XLP, М.-Л., 1961, стр. 85-106.

всех трех памятников (скопление синонимов, присутствие синонимических и тавтологических сочетаний, ритмическая организация речи).

Подобное сходство свидетельствует, во-первых, об отсутствии жанровой прикреплённости этих приемов, и, во-вторых, является аргументом против авторства Епифания Премудрого.

4. Стилистическая система "Слова о житии" характеризуется соединением стилистически разнородных элементов: метафор библейско-византийской традиции, гимнографической схемы "Кому уподоблю..." и мотивов вдовьих причетов, формул воинских повестей и др.

**II. Сопоставление стилистических приемов "Слова"
и "Жития Стефана Пермского"**

1. При рассмотрении текста обоих памятников наблюдаются некоторые общие стилистические приемы: метафоры библейско-византийской традиции, варьирование отдельных элементов, анафоры. Обнаруживается также совпадение некоторых образов и цитат, восходящих к Библии. Именно это обстоятельство и породило уверенность в принадлежности "Слова" перу Епифания.

2. Однако, при анализе общих для "Слова" и "Жития Стефана Пермского" заимствований наблюдаются разные принципы цитации и разные принципы заимствования. Так, если в "Житии Стефана Пермского" текст собственно авторский, тексты цитируемых произведений органически связаны, и грань между ними во многих случаях стирается, то в "Слове" эта глубоко индивидуальная особенность стиля Епифания отсутствует. В использовании обоими произведениями схемы "Кому уподоблю..." также наблюдаются синтаксические отличия и отличия, связанные с характерными для "Жития Стефана Пермского" стилистическими особенностями, отсутствующими в "Слове" (игра созвучиями однокоренных слов, соединение гречизмов и калек с этих же греческих слов и др.).

3. Некоторые стилистические приемы, наблюдавшиеся в "Житии Стефана Пермского": ("извитие словес", символические

картины на основе библейских текстов, составление единого текста из цитат Библии) в "Слове" отсутствуют.

4. "Житие Стефана Пермского" отличается от "Слова" и в композиционном отношении.

5. В исследовательской литературе указывается на новое для XV в. проявление личностного авторского начала в обоих произведениях, но разработка и роль авторской темы в "Слове" и в "Житии Стефана Пермского" совершенно различны. Так, если в "Житии Стефана Пермского" авторская тема важна для композиции произведения — она обрамляет текст жития, и автор предстает как литературный персонаж, то в "Слове" этого нет, и разработка авторской темы в этом памятнике в значительной мере зависит от традиции княжеских житий.

6. При рассмотрении фактов языка "Жития Стефана Пермского" сравнительно со "Словом" обнаруживаются: а) большие лексические отличия: наличие гречизмов, калек с греческого, неологизмов в "Житии Стефана Пермского" и отсутствие их в "Слове" и др.; б) синтаксические отличия: присутствие в "Житии Стефана Пермского" конструкций, не свойственных "Слову".

Таким образом, системы художественных средств обоих произведений неидентичны.

"Слово о житии и преставлении" и "Житие Стефана Пермского" принадлежат перу разных авторов.

Л. Итигина

(Ленинград)

О ВРЕМЕНИ СОЗДАНИЯ ДРАМЫ "АКТ О ПАЛЕСТИНСКИХ СТРАН ЦАРИЦЕ"

"Акт о палестинских стран царице" представляет собой инсценировку повести 17 века. С.А. Щеглова, исследовавшая пьесу, относит ее к началу 18 века. По ее мнению, компози-

1. С.А. Щеглова, Неизвестная драма Петровской эпохи о царице и львице, — в кн.: Труды комиссии по древнерусской литературе, т. I, Л., изд. АН СССР, 1932, стр. 153-229.

ция, язык пьесы, само название ее "актом" и некоторые эпизоды говорят о правильности такого утверждения.

Однако есть основания, позволяющие не согласиться с этой точкой зрения. Сомнения в точности датировки возникают прежде всего при обращении к самому сюжету.

Главную мысль пьесы С.А. Щеглова видит в традиционной борьбе добра и зла. Но из текста явствует, что пьеса носит политический характер: в ней затрагивается вопрос о престолонаследии. Причем в центре драмы женский образ.

По всей вероятности, тема престолонаследия не являлась насущной при жизни Петра, зато позднее стала весьма актуальной.

Имена персонажей, их поступки дают возможность провести аналогии с вполне конкретными историческими лицами. А в героине довольно отчетливо проступают черты, которыми щедро наделяли дочь Петра — Елизавету — ее сторонники.

Все эти соображения, а также стиль, композиция, которая отличает "Акт о палестинских стран царице" от других драм петровской эпохи более четким построением, и сходство с пьесами, поставленными при Елизавете ("Стефанотокос", "Образ торжества Российского" и др.), позволяют ставить вопрос о передатировке драмы.

Можно предположить, что эта пьеса была написана для оппозиционного театра, созданного сторонниками Елизаветы Петровны во время царствования Анны Иоанновны, или ее создали в первые годы, после восхождения на престол Елизаветы. Ведь именно тогда стал зарождаться в России политический театр.

Ю. Рыков

(Москва)

"ИСТОРИЯ О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ МОСКОВСКОМ" КНЯЗЯ А.М. КУРБСКОГО КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ОПРИЧНИНЫ

1. Советскими историками сделаны большие успехи в изучении опричнины Ивана Грозного. Методологической основой для

творческого решения этой проблемы советскими историками служит характеристика эпохи московского царства, данная В.И. Лениным в полемике с Н.К. Михайловским в книге "Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов?" Ленинская характеристика данной эпохи показывает, что в этот исторический период подлинной централизации Русского государства в XVII в. достигнуто не было. Она началась лишь во время создания буржуазных связей примерно в XVIII в., которым, по определению В.И. Ленина, датируется новый период русской истории. Ленинская характеристика эпохи московского царства справедливо позволяет советским историкам рассматривать опричнину как важный подготовительный этап фактической централизации Русского государства.

2. В последнее время в нашей стране появились специальные монографии, посвященные данному периоду русской истории. Несмотря на значительные успехи, достигнутые исторической наукой, ряд проблем опричной политики Ивана IV еще недостаточно изучен и вызывает разногласия и споры в литературе. Для того, чтобы разрешить все спорные вопросы, необходимо детально и тщательно изучить социально-экономическую и политическую историю России XVII в. по всем имеющимся у нас источникам. Лишь таким путем можно выяснить характер политики Ивана IV по спорным проблемам и дать целостное представление об опричнине.

3. Уже в настоящее время советскими историками сделано многое в этом отношении. Критическому исследованию подверглись такие источники, как синодики, летописи, актовый материал, жалованные грамоты и т.д. Однако некоторые видные источники по истории опричнины до сих пор изучены недостаточно. К числу таких источников относится "История о великом князе Московском", сочиненная князем А.М. Курбским в Речи Посполитой и имеющая своей целью, как полагают многие историки, помешать избранию Ивана Грозного на польский престол.

Предлагаемый доклад представляет собой опыт исследования значения "Истории" Курбского как источника по изуче-

нию опричнины. Актуальность данной темы диктуется отсутствием тщательного, сплошного источниковедческого анализа рассказов "Истории" Курбского об опричнине Ивана Грозного. В советское время специальному критическому анализу рассказы "Истории" Курбского не подвергались. Мнения же многих дореволюционных дворянских и буржуазных историков о степени достоверности и тенденциозности этого публицистического памятника, как правило, определялись их общими взглядами, а отнюдь не строились на данных объективного сплошного источниковедческого разбора этих рассказов. К тому же им не был известен целый ряд источников, необходимых для проверки достоверности данных "Истории" Курбского. До сих пор нет и специального текстологического изучения списков "Истории", несмотря на четырехкратное издание этого произведения в нашей стране в дореволюционное время. Многие списки этого памятника, находящиеся в составе рукописных сборников государственных архивохранилищ СССР, до сих пор также не имеют описаний.

В этой работе, написанной на основании как архивных, так и опубликованных источников и литературы, автор провел источниковедческую внешнюю и внутреннюю критику "Истории", собрал и описал все известные ему списки этого произведения.

4. Текстологический анализ около 60 списков "Истории" Курбского второй половины XVII - первой половины XIX в., дошедших до наших дней в составе государственных архивохранилищ Москвы и Ленинграда и обследованных автором, позволил установить наличие 3 редакций этого памятника русской публицистики: Полной, Компилятивной и Сокращенной. Из списков этих редакций к архитипному тексту "Истории" Курбского ближе стоят списки Полной редакции, так как они дают наиболее ранние и исправные чтения текста. Две другие редакции представляют собой позднейшую переделку текста первоначальной Полной редакции. Из позднейших редакций особенный интерес вызывает Компилятивная редакция. Она была создана, очевидно, в XVIII в. на основе "Истории" Курбского, особенно сказания об Иване Грозном, отрывок из которого был использован

автором позднейшего жития Максима Грека и, вероятно, других исторических источников.

5. Внутри каждой редакции списки распадаются на ряд видов. Отличительной чертой списков каждого вида является наличие общих чтений и изменений текста.

6. Наличие редакций и видов свидетельствует о большом и сложном пути развития текста "Истории" Курбского, а также о глубоком интересе, питаемом к этому произведению в ХУП - XIX вв. в России.

7. Источниковедческий анализ рассказов "Истории" об опричнине показал большую степень их достоверности. Эти рассказы содержат ценнейшие сведения для историков. Из 107 лиц, пофамильно названных Курбским среди жертв кровавой опричнины, 57 было действительно казнено, о чем известно по другим источникам. Известия о гибели 37 других человек являются единственными в своем роде. Проверить их правильность не представляется возможным. Достоверность этих показаний также не исключена потому, что эти лица действительно исчезают со страниц источников во времена опричнины. Лишь в отношении остальных 13 человек Курбский допускает неточности и фактические ошибки, которые вполне могут объясняться, на наш взгляд, его неправильной осведомленностью.

8. В своей "Истории" князь Андрей стремится не только передавать известные ему рассказы о князьях "благородных мужей и юнош", но и придерживаться определенной хронологической последовательности в каждой структурной части изложения "Истории" об опричной политике царя Ивана.

9. Уникальность и полнота многих сведений "Истории" Курбского ставят ее в ряд самых важных источников по изучению опричнины.

10. Наряду с этим, рассказы Курбского об опричнине остро тенденциозны. Тенденциозность их, на наш взгляд, определялась социально-политической направленностью произведения, основной целью которого было помешать избранию Ивана Грозного королем Речи Посполитой в период так называемого "бескоролья". Вся вторая половина "Истории о великом князе Московском" носит характер политического памфлета. Она

обличает жестокий произвол и гонения Ивана Грозного в период опричнины. Жертвы опричного террора рисуются абсолютно невинными людьми. Происходящие в России казни трактуются как простое следствие единовластия царя и ложных изветов его "ласкателей". С гневом и яростью Курбский бичует самодержавие Ивана IУ и произвол его опричников в конце "Истории". Изображая Ивана IУ лютым тираном, князь Курбский стремился, по всей вероятности, развеять радужные представления шляхтичей о русском царе и внушить им нежелательность его избрания королем Польши.

Тенденциозность проявляется не только в симпатиях Курбского к жертвам царских опал и во враждебном отношении его к Ивану Грозному, царским "ласкателям" и опричникам, но и в преувеличениях, а также в пристрастном отборе фактов об опричнине. Курбский проходит мимо даже таких крупных событий, как введение и отмена опричнины в России. По всей вероятности, подобное умалчивание не случайно, а является результатом политической направленности "Истории". Не в интересах князя было давать повод шляхтичам для суждений об исправлении царя, отменившего опричнину, так как это делало более реальным избрание Ивана IУ польским королем. Очевидно, боясь повредить исполнению своих потаенных замыслов, Курбский сознательно предпочел не говорить об этих событиях и сосредоточил свое внимание только на освещении царских казней.

11. В известиях "Истории" Курбского об опричнине ярко видна и ее классовая ограниченность. Курбский писал "Историю" для "светских мужей", для польско-литовских панов. Поэтому в "Истории о великом князе Московском" мы не находим сведений о том, как тяжело повлияла опричнина на усиление царского и помещичьего гнета и на ухудшение положения широких народных масс феодального общества - крестьянства и посадского люда. "История" рассказывает лишь о судьбах представителей господствующего класса феодалов в грозное время царской опричнины.

12. Критический анализ известий "Истории" Курбского об опричнине показывает нам, что они являются ценнейшим ис-

точником по изучению опричнины Ивана Грозного. Уникальность ряда сведений, отдельные хронологические и фактические неточности наряду с тенденциозным изложением ставят перед исследователем задачу строгого критического использования данных этого замечательного публицистического памятника второй половины XVI века.

Е. Добрушкин

(Москва)

**В.Н. ТАТИЩЕВ В РАБОТЕ НАД "ИСТОРИЕЙ РОССИЙСКОЙ"
(ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТАТЬИ "ИСТОРИИ" ПОД 1113 г.)**

1. Решение вопроса о происхождении "татищевских известий", т.е. тех сообщений "Истории Российской" В.Н. Татищева, которые не имеют аналогий ни в одном из известных в настоящее время источников, должно основываться на непосредственном анализе текста обеих редакций "Истории" и ее известных в настоящее время источников. Такой анализ дает возможность не только решить эту важную проблему, но также и раскрыть творческую лабораторию историка первой половины XVIII в., проследить за его приемами и методами создания исторического сочинения.

2. Положительный результат в исследовании "Истории" дает изучение не отдельно взятого "известия", а целого комплекса их.

3. В данном случае рассматривается небольшая часть татищевского труда — статья "Истории" под 1113 г., содержащая в себе большое количество неизвестных по другим источникам сведений, касающихся важных событий истории древней Руси.

4. Сравнительный анализ текста статьи под 1113 г. с русскими летописями показывает, что большая часть известий Татищева по I-й редакции "Истории" имеет аналогии с Ипатьевской летописью. Одни сообщения почти дословно совпадают с летописными (сообщения о перемещении сыновей Владимира по городам, о женитьбе Романа Владимировича, о закладке церкви, о

смерти князей Святослава, Романа и Мстислава и о поставлении епископов). Все они очень короткие и занимают очень небольшое место в татищевской статье. Другие известия "Истории" очень близки к ипатьевским, но даны как бы в иной редакции или дополнены относительно летописных (о похоронах Святополка, об избрании Владимира Мономаха на киевский стол, о восстании в Киеве и проч.). И, наконец, последняя часть известий Татищева под 1113 г. не имеется в других источниках (жалоба киевлян Мономаху, портрет и характеристика Святополка Изяславича). В трех случаях сведения "Истории" не обнаруживаются в Ипатьевской летописи, но имеются: одно — в Лаврентьевской летописи (дата прибытия Мономаха в Киев), другое — в Киево-Печорском Патерики, и, третье (частично, как основа) — в Никоновской летописи (рассказ о попытке Олега Святославича занять Киев).

5. Анализ "татищевских известий" первой редакции "Истории" показывает, что они как бы поясняют ипатьевские сообщения и дополняют их, отдельные вставки и изменения делают текст летописи более доступным для чтения и более гладким с литературной точки зрения. Основная функция "татищевских известий" I-й редакции — пояснение событий и "восстановление" причинно-следственной связи между ними (особенно характерно в этом смысле татищевское описание восстания киевлян: Татищев не только передает факты, названные в летописи, но и поясняет и связывает их; в "Истории" мы находим и причину восстания киевлян, и причину нападения на двор тысяцкого, и т.д.).

6. Если попытаться условно "реконструировать" текст предположительного источника, откуда Татищев черпал все эти сведения, то надо признать, что им была летопись, поразительно близкая к Ипатьевской (об этом свидетельствует абсолютное текстуальное сходство в целом ряде фрагментов и то, что все татищевские места окружены ипатьевским текстом; в татищевской статье последовательность событий та же, что и в Ипатьевской летописи, но содержащая в себе сведения, поясняющие ипатьевские, и изложенные более понятно и доступно. Причем, не отдельное известие летописи пояснено историком, а

подавляющее большинство их. Татищевские вставки не "набросаны" в беспорядке, а как бы связаны единой нитью; вставки поддерживают друг друга.

Все вышеизложенное, а также конкретный анализ формы и содержания "татищевских известий", методов, при помощи которых они вводились в текст, дает основание говорить о том, что перед нами - обработанный текст Ипатьевской летописи.

8. Известия второй редакции "Истории Российской" дополнены и изменены уже и относительно I-й редакции. Причем вставки, дополнения и обработка несут на себе те же функции, что и вставки и дополнения, обнаруженные в I-й редакции "Истории" относительно летописи. Во 2-й редакции "татищевские известия" развиты и уточнены. Совпадают и приемы работы историка по обработке текста и I-й редакции своего сочинения.

9. "Татищевские сообщения" 2-й редакции также являются плодом творчества самого историка, автора "Истории Российской".

10. Цель обработки летописного текста - сделать его яснее, связать события, сделать его доступным для чтения, высказать и свое отношение к описываемым событиям.

11. При интерпретации текста летописи Татищев исходил, в первую очередь, из самого же текста источника, а также из собственных взглядов на прошлое России. Повествование "Истории" - не бесстрастное описание событий, а политически заостренный рассказ в соответствии с собственными политическими и философскими взглядами Татищева.

12. Дополняя летопись, Татищев ничего не выдумывал в прямом смысле слова, а логически выводил из источника причины и следствия событий в зависимости от того, что имелось или отсутствовало в летописи. Он как бы раскрывал скобки в летописи, договаривал за летописца, вставлял в свой источник то, что читал в нем между строк.

13. Добивался своей цели историк не только вводом совершенно новых известий. Для лучшего понимания текста он модернизировал и архаизировал лексику (второе в основном в

тех случаях, когда это не шло в ущерб пониманию смысла), изменял сложную конструкцию летописных фраз (например, переставлял слова в предложения и т.д.).

14. При написании обеих редакций историк заботился и о художественности своего труда. Большая часть летописных известий беллетризована: в них введены мелкие подробности, детали, оживлявшие повествование, в большинстве случаев в данной летописной статье довольно сухое, вводил реальные подробности, с помощью которых как бы воссоздавал события (особенно ярко это наблюдается в татищевских сообщениях о похоронах князя Святополка и о встрече киевлянами Владимира Мономаха).

15. Во 2-й редакции беллетризация достигает больших размеров, нежели в I-й, так как при написании 2-й редакции историк уже не был связан текстом летописи, а опирался на уже подготовленный свой же текст - текст I-й редакции "Истории". Но необходимо отметить, что две редакции "Истории" - это два этапа и литературной обработки летописного текста. Татищев как бы преодолевает "дневниковость" летописной статьи, создает монолитный рассказ.

16. Редакторская работа Татищева выражалась также и в пропуске отдельных мест летописного текста, т.е. в отборе сведений. Кроме пропуска неподходящего для "гражданской" истории церковного рассуждения о "знамениях божиих", отмечается пропуск и отдельных слов и фраз, которые загромаждали повествование.

17. Степень обработки текста летописи была обусловлена поставленной самим историком задачей как можно точнее придерживаться своего источника (особенно это чувствуется в I-й редакции). Целенаправленно изменяя то или иное летописное сообщение, Татищев все же старался придерживаться текста Ипатьевской летописи, вводя, зачастую, лишь одно-два слова, которые и изменяли смысл сообщения источника иногда в совершенно противоположную сторону.

18. Вся выявленная редакторская работа историка над текстом летописи не противоречит его целям и задачам как

историка, его взглядам на задачу исторического творчества.

19. Выявленная редакторская работа Татищева также показывает, что он не был простым списывателем летописей, а подходил к ним вполне творчески, как исследователь (что проявляется, конечно, и в "предъизвещении" и примечаниях). Возможность же творческого подхода к своему источнику открывало отношение Татищева к летописи: историк считал, что перед ним не современные событиям записи, а обработанные и многократно переписанные известия. Из-за этой обработки и переписки многое в летописи, по мнению Татищева, было пропущено, многое и дополнено, и дополнено не совсем удачно. Язык летописи Татищев также считал испорченным списывателями.

20. Редакторской работой историк не только "реконструировал" сами события, но "реконструировал" и источник, дошедший их, т.е. летопись.

21. Наличие целенаправленной обработки Татищевым летописи, характер, методы этой обработки дают возможность еще раз поставить вопрос о том, что "История Российская" является историческим сочинением, а не "своеобразным" летописным сводом. Окончательное решение этого вопроса, как и вопроса о происхождении всех "татищевских известий", зависит от изучения всей "Истории Российской" В.Н. Татищева в целом.

Е. Бешенковский

(Москва)

"РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ" Ф.А. ЭМИНА КАК ПАМЯТНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII ВЕКА

Жизнь и творчество Ф.А. Эмина мало изучены. До сих пор известно весьма ограниченное количество реальных фактов его биографии.

Разыскания в архивах Москвы и Ленинграда и анализ сочинений Ф. Эмина (главным образом его "Российской истории") позволили нам прийти к следующим выводам:

1) Из четырех вариантов биографии Эмина наиболее достоверным оказывается самый невероятный, фактический материал которого подтверждается документами Коллегии Иностранных дел.

2) Ф. Эмин родился в Константинополе и был (как говорится в свидетельстве, выданном ему в Португалии на основании турецких документов) "дворенин константинопольский".

3) Буржуазность идеологии Эмина сильно преувеличена Г. Гуковским, а вслед за ним Д.Д. Благим и М. Штранге.

4) Отмечая чрезмерность эксплуатации крестьянства, Эмин тем не менее больше почитает "пастуха, нежели его чреду (стадо, - Е.Б.), которая без него разным опасностям подлежать могла".

Анализ высказываний Эмина на социальные темы привел нас к выводу, что ему близки взгляды либерального дворянства, выступившего в эти годы с поддержкой политики просвещенного абсолютизма.

5) Наиболее полное и отчетливое выражение социально-политической программы Ф. Эмина получила в романе "Приключения Фемистокла". Идеалом государственной мудрости были здесь для Эмина знаменитые "Опыты" Фрэнсиса Бэкона в переводе В. Тредиаковского.

Эмин:

"Государева власть не токмо не помрачается просвещением Совета, но еще больше получает от онаго сияния и преимущества".

Бэкон:

"Монаршеская власть не токмо не бывает меньше и не помрачается просвещением Совета, но еще получает себе от него больше сияния и преимущества".

6) Основным источником первого тома "Российской истории" послужила "Древняя российская история" М.В. Ломоносова, которая дополнялась и исправлялась по Синописису, Ядру российской истории, Кенигсбергскому списку Повести Временных лет, Никоновской летописи, Хроники Брунака и "Истории российской" В.Н. Татищева.

7) И в основном тексте своей "Истории" и в примечаниях

к ней Эмин пересматривает мнения, существовавшие в предшествовавшей ему русской историографии, дает новые толкования, связывает разрозненные и нелогичные сообщения летописи и своих предшественников в систему причинно-следственных отношений.

Вместе с тем, Эмин находится под сильным влиянием своих непосредственных историографических предшественников, которое выражается в дословном заимствовании как отдельных словосочетаний, так и значительных отрывков текста.

Поскольку аналогичное явление наблюдается и в творчестве других историков XVIII века, то, следовательно, мы здесь имеем дело не с плагиатом, а со своеобразным творческим приемом, использование которого объясняется специфическими условиями исторического творчества в XVIII веке.

8) Исторические сочинения XVIII века в значительной степени представляют собой перевод летописи на современный язык. Отсюда истории исторической науки свойственна та же закономерность заимствований, которая наблюдается в переводческой практике.

Первым переводчиком и толкователем летописи был В.Н. Татищев. М.В. Ломоносов заимствовал у него ряд толкований и дал значительное количество новых. Ф.А. Эмин использует более современный текст Ломоносова, но в ряде случаев либо возвращается к Татищеву, либо заново переосмысливает текст летописи.

9) Заимствование значительных отрывков текста не может быть объяснено при помощи аналогий из истории перевода. Здесь, видимо, мы имеем дело с остатками манеры компиляции, свода, характерными для летописного периода историографии.

10) "Российская история" оказала существенное влияние на дальнейшее развитие русской историографии XVIII века, которое опять-таки выразилось в заимствованиях отдельных толкований и значительных отрывков текста.

А. Аксенов

(Москва)

А.И. МУСИН-ПУШКИН - ЭТИМОЛОГ, КОЛЛЕКЦИОНЕР,
ИСТОЧНИКОВЕД И АРХЕОГРАФ

1. А.И. Мусин-Пушкин (1744-1817) известен в исторической науке как видный государственный деятель екатерининской эпохи, как один из самых известных собирателей письменных памятников истории и литературы и владелец знаменитой коллекции (в ее составе находилось "Слово о полку Игореве", Лаврентьевская летопись, летопись Кривоборского, Пушкинский список "Правды Русской" и др.), как крупный знаток "российских древностей" и языка, как издатель ряда исторических публикаций и автор исторических исследований.

2. Будучи с 1789 г. действительным членом Российской Академии наук, Мусин-Пушкин принимает активное участие в академической работе по подготовке Словаря Российской Академии, выступая с этимологическими изысканиями по определению и происхождению разных слов, которые получили высокую оценку современников.

3. О его коллекционерской деятельности известно очень мало, но и то, что известно, зачастую вызывает сомнения. В частности, до сих пор нет удовлетворительного объяснения того, как была приобретена Мусиным-Пушкиным Лаврентьевская летопись, сборник с Пушкинским списком "Правды Русской" и др. До сих пор не выяснен состав его собрания, но некоторые сведения можно обнаружить в реестрах книг, взятых Мусиным-Пушкиным в Синоде, и в списке книг и рукописей, вывезенных из Москвы в Ярославль после пожара Москвы 1812 г., который был оставлен его женой Екатериной Алексеевной (урожд. Волконской).

4. Исследовательская деятельность А.И. Мусина-Пушкина отразила новые веяния в исторической науке конца XVIII в.

В ходе полемики И.Н. Болтина с Леклерком и М.М. Щербатовым выяснилась необходимость изучения древних памятников для подтверждения учеными своих исторических концепций.

Встал вопрос написания не только общих трудов по истории, но и по изучению отдельных местностей, связанных с широко распространенной в то время исторической географией. В свете публикаций множества историко-географических лексиконов, описаний губерний, "повседневных записок" о путешествиях вполне закономерно появление мусин-пушкинских сочинений: "Историческое исследование о местоположении древнего российского Тмутараканского княжения" (СПб., 1794), "Историческое замечание о начале и местоположении древнего русского, так называемого Холопья города" (М., 1810). Но традиционный описательный метод с потребительским использованием летописных и других материалов уступил в них место критическому анализу и трактовке источников. В результате, исторические по форме и задачам работы Мусина-Пушкина стали по существу первыми специальными источниковедческими исследованиями, выполненными на высоком уровне рационалистической критики конца XVIII — начала XIX вв., что позволило ему правильно решить вопрос о расположении Тмутаракани в районе Тамани.

5. Названные работы Мусина-Пушкина отразили также тенденцию к специализации, наметившуюся в развитии исторической науки того периода. Привлечение Тмутараканского камня в качестве источника явилось началом зарождения эпиграфики, а первое прочтение надписи на этом камне дало толчок к развитию палеографии, первое специальное исследование по которой А.Н. Оленина появилось благодаря труду Мусина-Пушкина. Новым было также введение в научный оборот топонимического материала и устных преданий и их источниковедческий анализ в работе о Холопьем городе.

6. В деятельности А.И. Мусина-Пушкина издание ряда исторических памятников занимало одно из главных мест и это не случайно при том внимании, которое было проявлено во второй половине XVIII в. к археографии. Однако, характеристика его публикаций в исторической литературе была недостаточна и противоречива. В частности, пальму первенства в авторстве изданий "Правды Русской" (СПб., 1792), "Духовной в.к. Владимира Мономаха" (СПб., 1793) отдавали то И.Н. Болтину, то

И.П. Елагину. Анализ сведений об этом в литературных источниках и самих изданий показывает, что в лучшем случае мы можем говорить о соавторстве И.Н. Болтина и А.И. Мусина-Пушкина в публикации "Правды Русской". Первый сделал к ней ряд примечаний и, очевидно, перевод, а второй занимался передачей текста, делением его на слова, сравнением списков, подведением разночтений и т.д. В "Духовной" же Мусин-Пушкин выступил и автором "Предуведомления" и примечаний, и составителем публикации в целом.

7. Несомненным шагом вперед в археографической практике того периода следует признать издание одного памятника по нескольким спискам, каким явилась публикация "Правды Русской". Анализ списков, которые, по сообщениям различных источников, мог иметь и использовать Мусин-Пушкин, текстологическое их сравнение показывает, что в основу издания был положен Воскресенский список, как это ранее доказывал и С.Н. Валк, а в качестве разночтений к нему были подведены Синодальный П, Синодальный Ш, Карамзинский, Академический и список типа Бальзеровского. Не исключено, что издатели имели не шесть, как они указывали, а более списков, но нет оснований вводить в число шести Пушкинский список, приобретенный графом лишь в 1812 г.

8. Нужно отметить и другую особенность указанных изданий, а также "Книги Большому Чертежу" (СПб., 1792) и "Слова о полку Игореве" первого издания 1800 г., в которых Мусин-Пушкин принимал участие, — высокую степень точности передачи текста в рамках археографических принципов того времени. В этой связи можно говорить не о кантоминации текстов списков "Правды Русской", а лишь о частичной правке Воскресенского списка. В целом же, несмотря на известную модернизацию отдельных слов в текстах изданий, в указанных публикациях чувствуется бережное отношение к источникам.

9. Бесспорным достижением А.И. Мусина-Пушкина и его товарищей, принимавших участие в его изданиях, было введение в оборот комментариев. "Правда Русская", "Духовная", "Слово о полку Игореве" стали первыми образцами изданий комментированных памятников, снабженных научно-справочным

аппаратом.

Творческая индивидуальность Мусина-Пушкина ярче всего проявилась в примечаниях к "Поучению" Владимира Мономаха. В них отразилось мировоззрение автора, выразившееся не в обычном для исторического исследования того времени ретроспективном взгляде, а в соединении с действительностью, в попытке рассмотреть трансформацию обычаев, нравов русского народа в сравнении прошлого и настоящего. Это соответствовало положению его как сановника двора Екатерины II того периода, когда уже кончилось заигрывание с модными идеями просвещения в результате реакции на Французскую революцию, и обращение к традиционализму патриархального самодержавия составляло содержание нового поворота. У Мусина-Пушкина это выразилось в противопоставлении образа жизни древней Руси "модному французскому воспитанию".

Ю. Наконец, Мусин-Пушкин показал, что в археографической деятельности нельзя действовать по шаблону. Дифференцированное отношение к публикуемым памятникам в зависимости от их характера и содержания дало возможность появления изданий, отличающихся друг от друга наличием и составом комментариев, расположением отдельных частей, передачей текста и т.д.

И. Таким образом, все перечисленное позволяет ставить А.И. Мусина-Пушкина в один ряд с крупнейшими учеными конца XVIII - начала XIX вв. Его этимологические изыскания вызвали живейшее внимание современников (это нашло отражение в переписке с А.Н. Олениным, а также в том, что Н.М. Карамзин использовал в своих произведениях отдельные мусин-пушкинские опыты в области исторического языкознания), а исследования и публикации характеризуют новое направление в развитии исторической науки и вспомогательных дисциплин.

И. Душечкина

(Тарту)

РАДИЦЕВ И ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Правомерность постановки проблемы "Радицев и древнерусская литература" определена устойчивостью и разнообразием интереса писателя-революционера к русской культуре допетровской эпохи. В проблеме можно выделить три основных аспекта:
 - а. Использование древнерусского летописания при построении политической теории договорного общества.
 - в. Интерес к с т и л ю древнерусской письменности. Использование старославянизмов и других стилистических элементов древнерусского текста при построении языка революционной публицистики XVIII века.
 - с. Интерес к жанру жития, учет русской житийной традиции при попытке реформы жанровой структуры прозы XVIII века.
2. Обзор историографии проблемы. Мнение Г.А. Гужовского, Я.Л. Барскова и др.
3. Отношение Радицева к древнерусской литературе своеобразно и ставит его на особое место среди деятелей просвещения XVIII в. Особенно специфично отношение его к житийной традиции. Европейское просветительство относилось к средневековой подчеркнуто отрицательно. Христианско-житийная традиция часто становилась объектом осмеяния (Вольтер, Парни и др.). Интерес к житийной литературе - характерная особенность творческой позиции Радицева. В этой связи в работе рассматриваются "Житие Федора Васильевича Ушакова", "Положив непреборимую преграду" (т. наз. "Житие Филарета Милостивого") и глава "Клин" из "Путешествия из Петербурга в Москву", где слепой певец поет духовный стих об Алексие, человеке божиим (различие между духовным стихом и житием Радицевым, видимо не учитывалось).
4. В работе рассматривается специфика этического идеала Радицева, его концепция человека-борца, созданная им теория подвига и место этих идей в идеологической системе эпохи Просвещения.

АЛЬБОМ ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ КАК ВИД ЛИТЕРАТУРНОГО ТЕКСТА

1. Альбомы пушкинской эпохи могут рассматриваться как единые, особым образом организованные тексты.¹ Альбом, рассмотренный не как сумма различных текстов, а в качестве единого, органического образования, обнаруживает некоторые устойчивые структурные свойства, которые, наряду с единством историко-культурной функции, позволяют рассматривать его в качестве своеобразного исторического явления.
2. Альбом позволяет реконструировать черты культуры, которые при обычном историко-литературном анализе менее всего поддаются учету, поскольку относятся к области функции и роли текстов: репертуар поэзии данных лет, отношение коллектива к текстам. Общественный вкус того или иного круга предстает перед нами при этом как зафиксированный текст. Кроме проблемы авторства актуальной оказывается включенность того или иного произведения в некоторый подбор.
3. Альбом включен и в историю письменности, и в историю быта. Рассмотрение его двойной природы позволяет выявить перекрещивание различных историко-культурных закономерностей.
4. По внутренней структуре, характеру заполнения и отношению к ним владельцев можно выделить следующие типы альбомов:
 - а). Альбом-хранилище,
 - в). Альбом-летопись,
 - с). Альбом-автопортрет.

1. Понятие текста принято здесь в том значении, которое придано ему в работах: А.М. Пятигорский, "Некоторые общие замечания относительно рассмотрения текста как разновидности сигнала", сб. "Структурно-типологические исследования", М., Изд. АН СССР, 1962; Ju.M. Lotman et A.M. Pjatigorski, "Le texte et la fonction", "Semiotika", 1, 1969, №2.

Альбом-хранилище по функции приближается к архиву. Удовлетворяя общественно-культурной функции хранить то, что достойно сохранения, он не имеет предусмотренного состава. Он имеет тенденцию эволюционировать в сторону коллекции. В жизни того небольшого коллектива, который обслуживается этим альбомом, он выполняет ту же функцию, что и архив в обществе – разновидность коллективной памяти, сохраняющая подлинные документы.

Альбом-летопись – запись знаменательных событий, порой без объяснений. Подчеркнут интерес к датам, далеко не обязательный в первом случае. Типичный пример – альбом А.Т. Болотова. Для владельца он выполняет ту же функцию, что и хроника, летопись в более общих коллективах – разновидность коллективной памяти, фиксирующей события, знаменательные с точки зрения того маленького кружка, который имеет доступ к альбому (в отличие от дневника, альбом почти никогда не бывает строго индивидуальным).

Альбом-автопортрет – с одной стороны, имеет тенденцию к эволюции в сторону антологии (текст в этом случае отличается подчеркнутым единством подбора, приближаясь к дневнику). С другой, – к превращению в альманах – сборник творчества дружеского и литературного кружка.

5. Композиция альбома строится по принципу монтажа. Соотношение случайных соседств и единого композиционного замысла. Влияние альбомного контекста на восприятие отдельных, входящих в него текстов.
6. Проблема формата, внешнего оформления альбома для характеристики его как вида текста.
7. Альбом как тип искусства. Эстетические законы "альбомности". Проникновение "альбомного" принципа в различные литературные жанры.
8. Проблема выработки жанра альбома:
 - а). Стихотворный альбом,
 - в). Прозаический альбом,
 - с). Альбом рисунков.

Возможны и другие спецификации: "дамский", "провинциальной барышни", "столичный" и пр.

9. Выработка внутриальбомных жанров:

- а). Альбомного стихотворения,
- в). Альбомной прозы,
- с). Альбомного рисунка.

10. Альбом - явление историческое. Разрушение салонного быта, специфической атмосферы, вне которой была невозможна литература 20-х гг. XIX в., привело к исчезновению альбома как историко-культурного и историко-литературного явления.

Г. Гитлина

(Тарту)

Е.М. ХИТРОВО КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ

1. Общие методологические аспекты реконструкции на основании документов эпохи историко-психологического типа людей того или иного времени.

2. Биография Е.М. Хитрово как специфически интересный материал для изучения такого рода.

а). Е.М. Хитрово - выдающаяся женщина своего времени: дочь фельдмаршала М.И. Кутузова, друг Пушкина, Жуковского, Вяземского, Гоголя, она, бесспорно, принадлежала к людям, чей человеческий, умственный, нравственный облик окрашивал эпоху в специфические тона.

в). Е.М. Хитрово - типичная и даже, в определенном отношении, средняя женщина своего времени и круга. Она не отличалась личным дарованием, не была писательницей, художницей, музыканшей, как многие женщины ее круга, не совершила исключительного подвига, как жены декабристов. В определенном отношении, она приближалась к н о р м е культурной, просвещенной и независимой русской женщины дворянского круга пушкинской эпохи. Социально и историко-психологическое изучение ее биографии получает, в свете сказанного особенное значение.

3. В работе прослеживается складывание Е.М. Хитрово как человека; воспитание; влияние отца. Особое место занимает проблема "Хитрово и Пушкин".

М. Левин

(Тарту)

ПРОБЛЕМА ЦИКЛА В ПРОЗЕ И.Г. ЭРЕНБУРГА
1920-Х гг.

О.И. В сравнительно небольшой литературе об И.Г. Эренбурге стало устойчивой традицией отделять одно произведение от другого. Между тем подход к его художественной прозе как к единому тексту позволяет вскрыть некоторые закономерности эренбургской поэтики и весьма существенные особенности художественного мышления И. Эренбурга.

1.0. В контексте эренбургской прозы 1920-х годов вычленяется цикл, состоящий из таких произведений, как "Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников", "Тринадцать трубок", "Трест Д.Е." и "Лето 1925 года". Вероятно, последним звеном этого цикла должен был стать не дошедший до нас роман "Отчаяние Ильи Эренбурга", о котором И. Эренбург писал: "Это фантастическая автобиография".¹

1.1. Строго говоря, все четыре произведения представляют собой автобиографию своего "автора" - русского писателя Ильи Эренбурга. Фрагментарность этой "автобиографии", видимо, и должен был восполнить роман "Отчаяние Ильи Эренбурга".²

1.2. Сквозная тема цикла - амбивалентность "отчаяния-надежды" в природе эпохи "камунов", которую художник исследует на материале указанных произведений. Слово "отчаяние" появляется на самых первых страницах этих книг и мотивирует как действия Эренбурга-персонажа, так и его восприятие окружающей среды. Вынесение "отчаяния" в заглавие последнего романа цикла лишь подчеркивает значимость подобного отношения писателя к конкретной исторической действительности. Поэтому

¹ РО ИМЛИ, ф. 146, оп. 1, ед. хр. 8.

² Сам И. Эренбург, очевидно, также относился к произведениям этой группы как к автобиографическим, не отрицая, впрочем, некоторой фантастичности их характера: "Хулио Хуренито" своего рода автобиография" (Автобиографии советских писателей в 2 тт., М., "Советский писатель", 1959, т. 2).

цикл составляют именно "романы отчаяния".

1.3. Цикл "романов отчаяния" не предполагает доказательства неизбежности эсхатологического конца той действительности эпохи "канунов", которой он обязан своим рождением. Наоборот, задача поиска путей, конструктивного решения проблем, волновавших интеллигенцию России и Европы конца 10-х годов, обуславливалась также в восприятии И. Эренбурга природой "канунов". Вот почему ее амбивалентность для художника аксиоматична.

1.4. Отсюда и особый историзм писателя. Эренбург считает, что каждый человек ответствен не только за свои действия, но и за свою эпоху.³ Ценность же эпохи определяется ее способностью создания для каждого человека таких условий, в которых его личность могла бы быть выражена с наибольшей свободой и полнотой. Эпоха "канунов" оказалась к этому не способной, хотя и выверялась в "романах отчаяния" на глобальных пространствах Европы, Америки и Африки. С этой точки зрения "Трест Д.Е." - гипотеза Эренбурга-персонажа о перспективах развития Европы эпохи "канунов", а "Лето 1925 года" - знак снятия былой актуальности "канунных" проблем и новый - теперь уже исторически реальный - путь к истине.

2.0. Включенность каждого из "романов отчаяния" в единый цикл аргументируется и их жанровой близостью. Все эти романы построены по законам поэтики панорамного романа.⁴

2.1. Пародийный момент становится одним из основных формантов структуры каждого текста. Именно пародийность помогает отделить Эренбурга-художника от его же героя-однофамильца: там, где герой отчаивается, автор ироничен. В зависимости от пространственной сферы исследования Эренбургом природы "канунов" меняется характер пародийности отдельных компонентов цикла.

³Ср. с этим у И. Эренбурга: Играй ты молча или речисто,
Играй героя или статиста,
Но ты ответишь перед всеми
Не только за себя - за время.

"Мы говорим, когда нам плохо", Собр. соч. в 9 тт., М.,
"Иностранная литература", т.3, стр.492.

⁴

Специфика этого жанра рассматривается нами в нашей статье
"Жанр "Хулио Хуренито", "Русская филология", №3, Тарту 1970,
(в печати).

Так, если "Необычайные похождения Хулио Хуренито" и "Тринадцать трубок" - философский гротеск, а "Трест Д.Е." - сатирический гротеск, то "Лето 1925 года" - гротеск трагический.

2.2. В каждом из четырех текстов вычленяются одни и те же группы героев, которые, взаимодействуя между собой, организуют сюжет каждого текста, и, благодаря многочисленным авторским отсылкам к уже известным читателю "романам отчаяния", организуют сюжет всего цикла в целом. На основании динамики (статике) характеров, движение которых вызывается (не вызывается) отношением героев к эпохе "канунов", можно выделить следующие группы героев:

1) герои "места" (мистер Куль, мосье Дэле, герр Шмидт, лорд Грайтон, господин Пике, мистер Твайт, Бамбуччи, Луиджи и др.);

2) герои "пути" (Илья Эренбург);

3) герои "вихря" (Хуренито, Луи Ру, Боот, Юр).

Эти герои гротескны так же, как и произведения, в которых они действуют.

2.3. Анализ цикла на уровне сюжета дает ту "историю своего современника", которую писатель начал в 1921-м году "Необычайными похождениями Хулио Хуренито...".

2.4. Персонаж "Илья Эренбург", как главный герой, выполняет функции связующего звена между перечисленными произведениями, ибо автор в своих книгах указанного цикла воссоздает картину мира как восприятие эпохи "канунов" Эренбургом-персонажем. Сложность состоит в том, что восприятие эпохи "канунов" героем меняется во времени, а эренбурговская концепция ее амбивалентной природы на протяжении всего цикла остается единой.

3.0. Таким образом, можно говорить, что "Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников...", "Тринадцать трубок", "Трест Д.Е." и "Лето 1925 года" включены в единый цикл, который мы назвали "романами отчаяния". Отчаяние Ильи Эренбурга-персонажа вызвано амбивалентностью эпохи "канунов", и решение проблемы "канунов", как можно предполагать, кроется в той надежде на будущее России, которая проходит через весь цикл.

Р. Ти́менчик
(Рига)

К АНАЛИЗУ "ПОЭМЫ БЕЗ ГЕРОЯ". 2.

При выделении возможных источников "Поэмы без героя" целесообразно, как кажется, рассмотреть тексты, которые в 1940 году (год "прихода" "Поэмы") составляли круг чтения Ахматовой.¹ Ассоциативное движение памяти от свежих литературных и житейских впечатлений к событиям и людям 1913 года описано в стихотворении "Тень" из цикла "В сороковом году":

...ясная погода,
Флобер, бессоница и поздняя сирень
Тебя - красавицу тринадцатого года - ...
Напомнили ...

Героиня стихотворения (как известно, это Саломея Андронникова²) вызывается в памяти именем флюберовского персонажа (в "Иродиаде") и такой аранжировкой реалий в стихоряде, которая ритмико-синтаксически и лексически реминисцирует стих Мандельштама ("Бессоница. Гомер. Тугие паруса")-поэта, воспевавшего героиню ("Соломинкой тебя назвал поэт"). Ино-сказания стихотворения "Тень" предвосхищают "симпатические чернила" и "зеркальное письмо" "Поэмы".

Источник, который мы рассмотрим в связи с анализом "Поэмы"-это стихотворение В. Хлебникова, опубликованное в книге: Велемир Хлебников, Неизданные произведения, - вышедшей в 1940 году (стр. 157).

ПЕСНЬ СМУЩЕННОГО
На полотне из камней
Я черную хвою увидел.
Мне казалось, руки ее нет костяней,
Стучится в мой жизненный выдел.
Так рано? А странно: костяком
Прийти к вам вечером
И, руку простирая длинную
Наполнить созвездьем гостиную.

Комментарии Н. Харджиева: "Написано в конце 1913 г. По свидетельству А. А. Ахматовой, Хлебников в ноябре-декабре 1913 г. читал посвященное ей стихотворение, которое заканчивалось следующими строками:

...Поднявши руку длинную,
Освещу созвездьем гостиную." (стр. 407)

Таким образом, Ахматовой, познакомившейся с материалами книги еще при ее подготовке к изданию, это стихотворение было хорошо известно. Ряд мотивов "Поэмы" переключается со стихотворением "Песнь смущенного". Это, во-первых, мотив рано умершего поэта-самоубийцы (ср. в "Поэме": "Третий прожил там двадцать лет/И мне жалко его"). Основным биографическим источником этого мотива является судьба Всеволода Князева³ и отчасти, возможно, Виктора Гофмана, А. Лозино-Лозинского, Надежды Львовой.⁴ Однако в поэме мотив этот сопрягается и с хлебниковскими темами. В одном из первых вариантов "Поэмы"⁵ третьей главе предпослан эпиграф "Падают Брянские, растут у Манташева/Нет уже киноши, нет уже нашего" (В. Хлебников).⁶ По свидетельству Артура Лурье, эти стихи часто цитировались в дружеском кружке Ахматовой и Глебовой-Судейкиной. Во-вторых, второе четверостишие хлебниковского стихотворения - как бы конспект событийной линии первой главы "Петербургской повести". Лирический субъект "Песни смущенного" близок к персонажу "Поэмы", означенному в прозаической ремарке как "Поэт" ("Поэт Мироздания"-устный комментарий Ахматовой в личных беседах), который, помимо других черт, наделен и "футуристскими" ("Размалеван цестро и грубо"). Примечательно не столько предвосхищение мотивов и некоторых ее семантических полей (ср. хотя бы "черная хвоя" и "хвоя могильная"), сколько сходная их "вязка" в рамках одного стихотворного текста. Знакомство Ахматовой с "Неизданными произведениями" В. Хлебникова в конце 30-х годов, вообще, знаменательно, как встреча "с той, какой была когда-то". См. например, в эпизоде поэмы "Жуть лесная", относящемся к 1913 году: "Воздушный обморок и ах, / Турчанки обморока шали" (стр. 233, см. комментарий на стр. 443). "Жуть лесная" может быть поставлена в связь с

ахматовским стихотворением 1940 года "Подвал памяти", которое, подобно хлебниковской поэме, навеяно воспоминаниями о "Бродячей собаке" (См. хлебниковский зачин "О, погреб памяти"). В этой поэме мы находим и весьма существенную для идейной структуры "Поэмы без героя" тему "мщенья" и "отплаты", связанную с образом "простолыдина", — см. стр. 236, строки 180–189.

"Чужое слово проступает" в "Поэме" и в виде хлебниковских реминисценций. поиски их, как и вообще постановка вопроса "Ахматова и Хлебников", оправдываются постоянным интересом Ахматовой к творчеству Хлебникова и высокой оценкой его во вторую половину жизни поэтессы⁷.

Примечания:

1. Таков, например, сборник М. Кузмина "Форель разбивает лед". Предположение о соотносительности "Поэмы" со стихами Кузмина (см. нашу заметку в "Материалах ХХII научной студенческой конференции" Тарту, 1967, стр. 121–123) подтверждается свидетельством Л. К. Чуковской: Ахматова перечитывала "Форель" незадолго до начала работы над "Поэмой".

2. Имя Саломеи Андронниковой — один из "сигналов", ассоциирующийся по смежности с событиями 1913 года, отраженными в поэме. Ср. стихотворение Г. Иванова:

Январский день. На берегу Невы
Несется ветер, разрушеньем вея...
Где Олечка Судейкина, увы,
Ахматова, Паллада, Саломея.
Все, кто блистал в тринадцатом году,
Лишь призраки на петербургском льду...
Вновь соловьи засвищут в тополях
И на закате, в Павловске или Царском
Пройдет другая дама в соболях,
Другой влюбленный в ментике гусарском,
Но Всеволода Князева они
Не вспомнят в дорогой ему тени.

("Цех поэтов", кн. 4, 1923, стр. 22). Ахматовские стихотворения 1940 года, вообще, нуждаются в пристальном рассмотрении в связи с анализом "Поэмы" (например, тема самоубийства в "Клеопатре". Ср. замечание Ахматовой: "Не надо забывать, что и сама Клеопатра — одна из самых знаменитых самоубийц в мировой истории" — "Вопросы литературы", 1970, №1, стр. 182).

3. Всеволод Гаврилович Князев покончил с собой в Риге: 29 марта 1913 года из браунинга выстрелил себе в грудь, был доставлен в городскую больницу, где 5 апреля скончался (см. "Рижскую мысль". 1913, №1705; "Ядунакас зинас", 1913, №92, №97). В позднейших стихотворениях Кузмина "Князевская легенда", во-первых, связывалась с образом Глебовой-Судейкиной (ср. в посвященном ей стихотворении 1918 года "Цускай нас связывал издавна веселый и печальный рок"), во-вторых, трансформировалась в образ "небесного воина" (ср. "Чародей, воинственною облеченный

схимой", "Зовешь меня мечем небесной сечи?"). Примечательно сведение темы самоубийства к сходному образу в стихотворении Хлебникова "Мрачное", написанном не позднее 1914 года:

Когда себе я надоем,
Я брошусь в солнце золотое,
Крыло шумящее одею,
Порок смешаю и святое.
Я умер, я умер, и хлынула кровь
По латам широким потоком.
Очнулся я, иначе, вновь
Окинув вас война оком.

(Собрание произведений. т. 2, стр. 96).

4. Надежда Львова застрелилась 24 ноября 1913 года. Ср. в повести Хлебникова "Ка" о поэте И. Игнатьеве, покончившем с собой в 1914 году:

И на путь меж звезд морозный
Полечу я не с молитвой,
Полечу я — мертвый, грозный,
С окровавленной бритвой...

Один мой знакомый — вы помните его — умер так; он думал, как Лев, а умер, как Львова" (Собрание произведений, т. 4, стр. 68). Наброски поэмы "Олег Трупов" развивают тему самоубийства юноши из того же литературно-художественного круга предвоенного Петербурга, что изображен и в "Поэме без героя":

Изящный вечер. Пел Эн — ин
С восточной сладостью напева.
И вот уж — легок на помин —
Пришел 13-й, и цева
В устах незримого звенит
Беседы скорой.

(Собрание произведений, т. 5, стр. 51)

Где самоубийца раз висел
И облупился потолок,
Я в кресло дружеское сел.
В чем он ходил? Перчатки, котелок?
И уж испуганной орлицей
Хлопочет Пронин над теплицей.
(там же, стр. 49).

5. См., например, в экземпляре Г. О. Винокура, относящемся к 1942 году (ЦГАЛИ, ф. 2164, оп. 4, ед. хр. 2).

6. Из стихотворения "Где волк воскликнул кровью..." (1915 год), вошедшего в поэму "Бойна в мышеловке" (Собрание произведений, т. 2, стр. 247).

7. Немаловажной представляется, например, такая текстуальная переключка:

Страну знобит, а ссыльный каторжанин
Все понял и на всем поставил крест
(Ахматова. "Предстория")

и

Густой и белый Достоевский,
Мужик замученный и робкий,
Он понял все — и он и Невский
Дрожит в полночной мышеловке.
(Хлебников, Из черновигов 1916–1918 гг., Собрание произв., т. 5, стр. 54).

СЕМИОТИКА И НАУКА О ЛИТЕРАТУРЕ

1. В докладе обосновывается возможность использования семиотических идей для анализа литературоведческих теорий. Исходным принципом служит рассмотрение любых научных теорий - в том числе и литературоведческих - как знаковых моделей определенных предметных областей и - шире - как языков.

Целесообразно выделить два типа семиотического исследования литературы. В настоящее время наиболее развитым является путь, принятый в конкретных семиотических дисциплинах, например, - в структурной поэтике, когда общесемиотические закономерности формируются ("выводятся") на основе изучения знаковых структур самих словесно-художественных произведений. Одновременно, как показывается в докладе, семиотическое исследование может совершаться путем распространения ("продуцирования") того понимания знака и зако- вой системы, которое сложилось в логике научного исследования, на проблематику литературной науки.

Разумеется, названные типы исследований не следует противопоставлять. Во всяком содержательном анализе языка литературоведения мы неизбежно встречаемся со знаковыми структурами художественных произведений.

Язык науки о литературе и язык самой литературы можно изучать совместно и одновременно по отношению к общему источнику, объединяющему оба объекта рассмотрения. Грубо говоря, правомерно представлять и научный, и художественный языки как функционально различные "обработки" естественного языка.

2. Логический анализ в терминах семиотики существующих литературоведческих концепций ("готового" знания) обнаруживает связи и зависимости семиотического исследования с традиционными и "точными" методами. Проблема унификации и уточнения выработанных в литературоведении понятий яв-

ляется пограничной областью традиционной и точной методологии. Прибегая к образным выражениям, можно сказать, что семиотика как бы перебрасывает мост между исследованиями, выявляющими закономерности распределения четырехстороннего диалекта в стихе, и теми, которые связаны с выявлением "типичности" образа Онегина.

3. Литературное произведение, как любая богатая система, имеет в своем составе ряд подсистем (уровней). Специфичность каждого уровня определяется оригинальностью его алфавита и синтаксиса. Допустим, что методы логики и математики дадут возможность строго описать каждый в отдельности уровень стратифицированного произведения. Но тогда результаты таких описаний будут по необходимости изолированными друг от друга: чем строже будет описан каждый уровень, тем труднее совмещение полученных результатов в полной (целостной) модели словесно-художественной структуры. Для перехода к обобщающему, хотя бы для нескольких уровней, описанию, каждый раз будет требоваться новый язык, отличный от языков, описывающих отдельные уровни. Само понятие строгости описания будет существенно меняться в зависимости от принятого уровня анализа.

В логико-методологическом отношении применение семиотики позволяет так же полно и однозначно описать все основные этапы того пути, по которому движется исследование словесно-художественного произведения. Основным понятием для описания этапов литературоведческого исследования для нас послужит понятие "идеализации" : мысленного и огрубленного конструирования предметов, знаков, языков.

Итак, основные этапы литературоведческого исследования можно представить как цепь возрастающих идеализаций, совершающихся путем переходов от одного языка к другому. Схематично путь исследования изображается в таком виде:

1. Язык действительности или "нулевой" (по Г. Рейхенбаху) язык.
2. Обычный (естественный, национальный) язык. Язык первой степени.
3. Художественный (прозаический, стиховой) язык. Язык

второй степени.

4. Литературоведческий (стиховедческий) язык. Язык третьей степени.

5. Язык логико-методологического анализа литературоведческого языка. Язык четвертой степени.

Таким образом, механизм огрубления (идеализации) является общим для всех названных языков. Существенно важный момент здесь заключается в том, что семиотика позволяет описывать и проверять все этапы идеализированного восхождения от языка к языку, устанавливая и проясняя при этом связи и отношения, не вскрываемые в других подходах.

В. Крутос
(Москва)

ПРОБЛЕМА МОТИВИРОВАННОСТИ В СЛОВЕСНОМ ИСКУССТВЕ И СЕМИОТИКЕ

1. В семиотике является одним из важных вопросов оппозиция мотивированности — немотивированности знака. Представляется интересным проследить значение этого раздела семиотики для теории литературы.

2. В литературоведении и эстетике 1920-х гг в качестве атомарного эстетического знака выделялся "художественный прием". Мотивированность приема понималась В.М. Жирмунским, Л.С. Выгодским и другими исследователями, занимавшими антиформалистическую позицию, как обусловленность его (приема) объективными и субъективными факторами целенаправленной и специфической эстетической деятельности. При этом выделение того или иного конкретного фактора в качестве мотивировки приема (замысел писателя, художественный контекст, закономерность изображаемой действительности, критерий восприятия) зависело в каждом отдельном случае от ситуации, возникавшей в ходе исследования. Такой подход был в принципе плодотворным (недаром он прочно утвердился, например, в стилистике), но и внутренне нерасчлененным.

3. При семиотическом подходе к словесному художественному

произведению имеет смысл дифференцировать аспекты мотивировки соотносительно обусловленности эстетического знака основными элементами знаковой ситуации.

а) Мотивированность объектом изображения (денотатом)

традиционно прилагается к эстетическим знакам фабульного и характерологического уровней (поступок персонажей, событие, эпизод), в силу их "предметной" интерпретивности. Этот аспект наиболее разработан.

б) Мотивированность отдельного эстетического знака знаковой системой или моделью в отражении в явлениях "композиционной мотивировки" и, так сказать, "мотивировки-конкретизации", которой особенно интересовались исследователи 20-х гг. Первая охватывает смысловые связи (параллелизмы, контрасты и пр.), вторая фиксирует наличие в произведении типолого-структурных элементов, по отношению к которым данный предметно-событийный контекст предстает как своеобразная конкретизация.

в) Мотивированность эстетического знака с точки зрения восприятия включает следующие критерии:

- осмысленность любого дифференциального элемента плана выражения,
- психологическое правдоподобие в рамках той или иной меры условности.
- целостность восприятия.

4. Большой интерес представляет вторая сторона проблемы — немотивированность знака. Сущность ее состоит в возможности экспроприации выдвинутого Ф. де Соссюром принципа немотивированности знака на все виды эстетических знаков. Согласно современной теории общей семиотики, знак и мотивирован, и немотивирован — в различных отношениях.

5. Изобразительность знака не отменяет момента немотивированности.

6. Частичная взаимная немотивированность плана выражения и

плана содержания присуща и произведению словесного искусства, рассматриваемому как целостный знак. В противном случае были бы невозможны все виды художественного перевода. Художественный текст был бы совершенно уникальным феноменом.

7. Полная взаимная мотивированность сторон знака делала бы излишним знание художественного кода, что в действительности не наблюдается.

8. Представляется справедливой и для искусства мысль Соссюра, что именно благодаря немотивированности знака, последний может изменяться во времени.

9. Известная произвольность в соединении плана выражения и содержания, по Соссюру, защищает знак от индивидуального произвола участников акта коммуникации. В применении к искусству это означает, что соотношение планов знака устанавливается не имманентно и не отдельным индивидуумом: оно должно быть социально санкционировано.

10. Семиотический подход к словесному искусству выявляет новые грани традиционной литературоведческой проблемы - проблемы "художественной мотивировки".

А. Лопенко

(Москва)

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ КАТЕГОРИИ "СТИЛЬ" В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ И ИСКУССТВОВЕДЕНИИ 20-х ГОДОВ

1. Наука 20-х годов о стиле включала в себя:
 - а). Философский анализ. Определение общей идеи, объема и сущности стиля.
 - б). Типологию. Синхронный и диахронный анализ стилевых явлений.
 - в). Социологию. Детерминированность и имманентность художественного развития.
 - г). Морфологию. Установление ингредиентов стиля.
 2. Теоретики 20-х гг. столкнулись с многовариантностью толкований термина "стиль". Попытки дать исчерпывающую схему значений этого термина не увенчались успехом: новые сдвиги в художественном сознании способствовали образованию и оформлению новых стилевых категорий (напр., в XX в. - "детский стиль", "стиль эпохи" и др.). Вследствие этого большинство исследователей отказывается от указанного аспекта изучения стиля и выделяет аспект логического анализа стиля на основе определения его константного признака. Значительная часть теоретиков основным признаком стиля считает - "единство", "целостность", "системность".¹
 3. Понятие целостности, по мнению исследователей, объединяет две противоположные "тенденции" стиля: 1) закономерно-необходимое, общее и 2) специфическое, особенное.² Это дает возможность толкования стиля в различных объемах: стиль исто-
1. М.И. Фабрикант, Признаки стиля, "Искусство", 1927, т.3, кн.1; В.М. Жирмунский, Задачи поэтики, Вопросы теории литературы. Статьи 1916-1926, Л. 1928; П.Н. Сакулин, Теория литературных стилей, М., Изд. "Мир", 1927; В.М. Фриче, Наша первоочередная задача - "Литература и марксизм", 1929, №1; И.М. Беспалов, Стиль как закономерность, "Литература и марксизм", 1929, кн.3; С.С. Скрябин, Понятие стиля, М., 1929.
2. С.С. Скрябин, Понятие стиля, стр. 20.

TRU Research

рического периода, направления, индивидуальный стиль, стиль произведения — закономерно организованные и специфические системы.

4. С. С. Скрябин, как бы подытоживая поиски 20-х годов, выдвигает принцип "внутреннего закона" стиля в соотношении и отборе элементов (указ. раб. стр. 30). Последний проявляется в формообразующей функции стиля: стиль есть "форма формы", логика художественного целого или, иначе, — закон образуемой целостности, оказывающей необходимое воздействие на характер структур и элементов внутри данного объема.

5. Понятие закономерности дает основания для научной типологии стиливых явлений. В литературоведении 20-х гг. широко исследуется проблема жанровых стилевых норм. Жанровая норма рассматривается как необходимый структурный признак художественного языка искусства, разрабатывается ряд сюжетных схем прозаического произведения, намечается цепь стилистических приемов, составляющих основное ядро различных жанров литературы, многоаспектную трактовку получает категория композиционных норм поэзии и прозы.⁴

6. В литературоведении исследуемого периода были намечены также некоторые принципы диахронного анализа исторически существующих стилей. П. Н. Сакулин предлагает индуктивный метод типологии стиливых явлений.⁵ Типология А. И. Белецкого основана на выделении стиливой "доминанты" — содержания произведения на уровне замысла.⁶ Во второй половине 20-х гг. Ю. Н. Тынянов распространяет принципы функциональной поэтики на изучение литературного процесса.⁷ Не отказываясь от "синхронического" изучения литературных явлений, он указывает на необходимость перехода к "диахроническому" аспекту.⁸

7. Типология рассматривается как рабочая гипотеза, допустимая "в известных пределах".⁹ То есть стиливая нормативность не понима-

3. П. Н. Сакулин, Теория литературных стилей, гл. "Типология стилей", "Индивидуальный стиль" М., Изд. "Мир", 1927.
4. В. Шкловский, Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля, "Поэтика", Пг., 1919; Его же, Развертывание сюжета, Пг, ОПОЯЗ, 1921; В. Эйхенбаум, Как сделана "Шинель" Гоголя, — "Поэтика", Пг, 1919; "Русская проза", сб. ст., Л., Изд. "Academia", 1926;

ется как критерий полной заданности процесса творчества. Значительная часть исследователей обращается к изучению смысловой функции стиля, в которой выявляется связь стиля произведения с субъектом творчества. Каждый поэтический прием, с этой точки зрения, сохраняя устойчивые связи с традиционным историческим и жанровым стилем, приобретает определенную "оцеленность" (В. М. Жирмунский) в системе автора и в системе данного художественного факта. Оцеленность всякого элемента системы диктуется, по Жирмунскому, художественным смыслом произведения.¹⁰ Г. О. Винкур,¹¹ П. Н. Сакулин¹², С. С. Смирнов¹³ отсылают к творческой личности, осуществляющей индивидуальное осмысление стиливых норм.

8. Проблема — стиль произведения и субъект творчества — плодотворно решалась в эти годы группой теоретиков-искусствоведов ГАХН. Исследователи обращаются к аспекту: отношение изображения к модели действительности. В решении этого вопроса можно выделить следующие плодотворные моменты: 1) модель и ее изображение находятся в отношении подобия, совпадают¹⁴; 2) модель и изображение также не совпадают, т. к. изображение содержит в себе нечто от художника¹⁵; 3) изображение — в каждом отдельном художественном факте целенаправленно определенной авторской концепцией¹⁶.

В. М. Жирмунский, Композиция лирических стихотворений, Пг, 1919. Проблема жанровых композиционных норм кино рассматривается в ст. В. Шкловского, В. Эйхенбаума, Ю. Тынянова в сб. "Поэтика кино", М-Л., 1927.

5. П. Н. Сакулин, Синтетическое построение теории литературы, М., 1927; Социологический метод в литературоведении, М., 1925.
6. А. И. Белецкий, К построению теории литературных стилей, сб. "Памяти П. Н. Сакулина", М., Изд. "Никитинские субботники", 1931.
7. Ю. Н. Тынянов, Архаисты и новаторы, Л., 1929.
8. Ю. Н. Тынянов, Вопрос о литературной эволюции, "На литературном посту", 1927, №10, стр. 43.
9. Там же, стр. 43.
10. В. М. Жирмунский, Вопросы теории литературы, стр. 50-51.
11. Г. О. Винкур, Биография и культура, М., 1927.
12. П. Н. Сакулин, К вопросу о построении поэтики, "Искусство", №1, стр. 89; Его же, Еще об "образах", "Атеней", 1924, кн. 1-2.
13. С. С. Смирнов, Новейшие русские работы по поэтике и литературной методологии, "Атеней", 1924, кн. 1-2.

9. А.Г.Габричевский выделяет в произведении искусства три структурных пласта: конструкцию, изображение, экспрессию. В последнем проявляется отношение творческого субъекта к изображаемому, это - индивидуальный слой, пронизывающий всю структуру произведения: "и изображение, и построение, и наглядные элементы картины"¹⁷.
10. В литературоведении 20-х годов проблема стиля решается также в аспекте художественного восприятия. Предметом изучения являются следующие вопросы. 1. История читателя и история литературы. Типология читателей. 2. Читатель и явление литературного процесса. Смена художественных стилей. "Живое слово" и "клише" в искусстве. 3. Читательское восприятие и стиль произведения.¹⁸ Стиль литературного произведения рассматривается как открытая динамическая система, в которой происходят в известных пределах разнообразные изменения, вызванные вариативностью ее восприятия.¹⁹
11. Таким образом, в литературоведении и искусствознании 20-х годов явление стиля рассматривается как многослойная и многоаспектная сфера. В его анализе выделяются четыре структурных узла и определяется специфика их исследования.
1. Синхронно существующие жанровые стилевые нормы. Исследование композиционных, образных, языковых норм различных жанров искусства.
14. Б.В.Шапошников, Портрет и его оригинал, в сб. "Искусство портрета", Изд. ГАХН, 1928.
15. А.Г.Габричевский, Портрет как проблема изображения. Там же.
16. Н.И.Жинкин, Портретные формы. Там же.
17. Сб. "Искусство портрета", М., Изд. ГАХН, 1928, стр. 74. Идею выявления индивидуального стиля в структуре произведения А.Г.Габричевский развивает также в ст. "Поверхность и плоскость", Труды отдела искусствознания, изд. РАНИОН, вып. 2, 1928.
18. Сб. "Новейшая русская литература. Критика, театр, методология. Темы, библиография", Иваново-Вознесенск, 1927; сб. "Читатель и книга. Методы их изучения", Харьков, 1925; А.И.Белецкий, Об одной из очередных задач историко-литературной науки, "Наука на Украине", №2, Харьков, 1922.
19. А.А.Смирнов, Новейшие русские работы по поэтике и литературной методологии, "Атеней", 1924, кн. 1-2.

2. Исторически сложившиеся художественные стили: направлений, течений, школ. Диахронная типология. Анализ литературного процесса.

3. Индивидуальные стили. Координирование в них общего и индивидуально-неповторимого.

4. Стиль произведения. Элемент структуры художественного произведения как результат "перекрещивания" стилевых систем: а) данного художественного факта, б) индивидуального стиля, в) стилевых норм времени, направления, жанра.

Литературоведение 20-х годов поставило проблему, которая ждет своего разрешения: стиль и субъект восприятия.

Л. Маллер
(Смоленск)

ЭКСПРЕССИВНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ ОРЕОЛ ТРЕХСТОПНОГО АМФИБРАХИЯ

Работа построена на материале исследования стихотворений поэтов XIX века, написанных одной из ритмических форм трехстопного амфибрахия (Зам) - Зам с женско-мужскими окончаниями. (Впредь, говоря о Зам, мы будем иметь в виду только эту форму).

11 О пятистопном хорее Бунин упоминает К.Ф.Тарановский в своей статье "О взаимоотношении стихотворного ритма и тематики, - в сб.: "Amerikan contribution to the Fifth International Congress of Slavists", Sofia, 1963. The Hague, pp. 344-346.

Рассматривая стихотворение Брессова "Век за веком", написанное Зам, мы можем выделить две позиции, две идеи, находящиеся в положении тезиса и антитезиса:

I. Следы труда, созидания непрочны, не вечны. Жизнь полна бедствий, препятствий.

Колелебтся нивы от гула,
Их топчет озлобленный бой ...

II. Но, несмотря ни на что, труд живет и возрождается, он вечен и неистребим. Созидательная сила человека неуничтожима.

... И снова безмолвно Микула
Варезает им грудь бороздой...

Первая позиция - исходная, вторая - основная, несущая содержание стихотворения. Позиции эти противостоят друг другу. Во второй позиции утверждается противоположное тому, что несет первая. Вторая позиция, отталкиваясь от первой, отрицает, преодолевает первую и, преодолевая ее, утверждается.

Таким образом, в стихотворении Брессова выделяется экспрессивный импульс преодоления. Второй важнейший импульс, характерный для этого текста, - импульс утверждения, тесно сливающийся с импульсом преодоления. Рассматривая данное стихотворение, мы можем говорить об одном импульсе преодоления - утверждения.

Было подробно рассмотрено 100 стихотворений поэтов преимущественно I-й половины XX века; в большинстве из них также отмечается наличие импульсов преодоления и утверждения. При этом изученный материал позволяет выделить семь форм соотношения указанных позиций:

а) нулевая форма, не содержащая I и II позиций (7 стихотворений);

б) I-я форма (7 стихотворений).

Эта форма построена на простом контрасте, противопоставлении, противоборстве позиций. Ни одна из позиций не одерживает победу.

(Блок. "Опять с вековой тоской...";
Брессов. Летучая Мышь)

в) 2-я форма (8 стихотворений).

В этой форме I позиция уже не равноправна со II, она является исходной, дается отталкивающий импульс ко II позиции, однако II позиция в этой форме не получает развития. Эта форма стремления к преодолению, протеста или предчувствия перемен.

(Белый. Отчаянье; Ахматова. В сороковом году)

г) 3-я форма (10 стихотворений)

В 3-й форме, в отличие от 2-й, отчетливо выражена II позиция, однако здесь за пределы стихотворения (его начало) выдвинута I позиция, которая, не присутствуя в стихотворении, явственно подразумевается. В силу того, что в этой форме ослаблен толчок, ослаблен и импульс преодоления, и перенос получает импульс утверждения.

(Блок. "Мне снились веселые думы...";
Исаковский. Осень.)

д) 4-я форма (10 стихотворений)

4-я форма непосредственно связана с 3-й. Она возникает вследствие окончательной утери I позиции, а вместе с ней и толчкового импульса преодоления. Эта форма становится целиком формой утверждения (прославления).

(Ахматова. "Как площади эти обширны...";
Рыленков. Коктебель)

е) 5-я форма (10 стихотворений)

В этой форме отчетливо даны I и II позиции. Преодоление здесь - смена позиций, преодоление прошлого, конкретное преодоление определенного состояния и обретение нового.

ж) 6-я форма (48 стихотворений)

Эта форма уже рассматривалась на примере стихотворения Брессова "Век за веком". Преодоление в этой форме усиливается препятствием, приобретает формулу "несмотря ни на что".

Вот еще примеры этой формы: Исаковский. "Летят перелетные птицы...", Асеев. "Вдохновение".

Эта форма наиболее полно раскрывает тенденцию, заложенную в остальных формах, поэтому она может считаться основной, первые же пять форм - подформами ее.

Импульс преодоления, дополненный и усиленный импульсом "несмотря ни на что", превращается в импульс преодоления сопротивления, или импульс героизма. Импульс героизма очень часто получает конкретное выражение в теме героизма. Выделяются основные подтемы, например: прославление героизма, мужества, неистребимой духовной силы человека (Брюсов. "Век за веком", "К финскому народу"; Исаковский. "Русские женщины"); прославление неистребимой силы любви к родине (Белый. "Родине"; Исаковский. "Летят перелетные птицы..."; "У самой границы"; "Слава родине"; Рыленков. "Куда ни помотришь - родные...").

Таким образом, основу тематического ореола Зам составляет тема героизма, мужества, подвига, величия человека.

Такая относительная однозначность Зам позволяет указать на одну из причин того, что амфибрахий встречается реже, например, ямба.

Все подформы стремятся к основной форме. Эта общность подтверждается и тем, что у всех подформ имеются общие с основной формой мотивы, особенности образов - общие экспрессивно-тематические импульсы, причем эти импульсы зачастую имеются и в стихотворениях нулевой формы. Так, большинство стихотворений характеризуется масштабностью, гиперболичностью образов, мотивами извечности, эпохальности, устремленности (ожидания, часто олицетворенного в мотиве пути), призывностью (наличием восклицательных и побудительных предложений). Общая черта всех этих импульсов - их напряженность, подъем, сила - этот признак назовем экстаичностью.

Чрезвычайно характерным признаком стихотворений, написанных Зам, является наличие экстаичной лексики. Вот слова, неоднократно встречающиеся в стихотворениях Зам: рокот,

треск, ветер, громада, стихия, вьюга, метель, гром, буря, пурга, порыв, вихрь, вопль, ураган, огонь, бешенство, грохот, поток, вал; исступленный, кипящий, неистовый, безумный, грохочущий, бешеный, огневой, бушующий, ошалелый; уносится, свистит, гремели, рушились, грохочут, сирежечут, воют, вопят, ревет, рычат, рокохот, бросается, проклиная, визжа, ликуя, взвиваясь; отчаянно, вдрызг, истошно и др.

Половина рассматриваемых стихотворений характеризуется романтической окрашенностью. Часто встречаются специфические образы романтизма (море, ночь, горы). Экстаичский подъем, масштабность образов, героическая окрашенность, свойственные Зам, столь присущи поэзии романтизма, что можно предположить, не случайно Зам был впервые разработан именно в русской романтической поэзии в известной мере на основе дольников Гейне. Однако романтизм переживал уже ко времени утверждения Зам свой закат, и широкого распространения эта форма в XIX веке не нашла. Причиной нечастого употребления Зам явилось и то, что действительность давала мало почвы для героической тематики. Новая вспышка в употреблении Зам наблюдается в предреволюционную и революционную эпоху. Ряд стихотворений, написанных Зам, датируется 1917 годом. В настоящее время Зам широко используется в современной советской поэзии.

М. Красноперова
(Москва)

ЗАМЕЧАНИЯ О РИТМЕ СТРОФЫ "ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА"

1. Рассматриваются последовательности из первых слов 1 двух соседних строк. Последовательности условно называются началами соответствующих строк. Различаются последовательности, образуемые словами:

1 Под словом понимается группа слогов, объединенная ритмически значимым ударением. Так в стихе: Мы все учились понемногу... Мы все считается одним словом.

а) с одинаковой ритмической структурой (сокращенно од.)

Примеры:

№ строки	Текст	Ритмическая структура первых слов
1.	Волшебный край! Там в стары годы	у / у
2.	Сатиры смелый властелин...	у / у
1.	Куда! Уж эти мне поэты	у /
2.	Прощай, Онегин, мне пора...	у /
1.	Что? Приглашенья? В самом деле	у
2.	Три дома на вечер зовут...	у
1.	Неуловимых, неподкупных,	у — у / у
2.	Непостижимых для ума	у — у / у

б) с одинаковым количеством слогов в доударной и разным в послеударной части (сокращенно о.д.ч.)

Примеры:

№ строки	Текст	Ритмическая структура первых слов
1.	В последнем вкусе туалетом	у / у
2.	Заняв ваш любопытный взгляд	у /
1.	Изобразу ль в картине верной	у — у /
2.	Уединенный кабинет	у — у / у

в) с разным количеством слогов в доударной части (сокращенно р.д.ч.)

Примеры:

№ строки	Текст	Ритмическая структура первых слов
1.	Иди же к невокским берегам	у / у
2.	Новорожденное творенье	у — у / у —
1.	Все, чем для прихоти обильной	у
2.	Торгует Лондон щепетильный	у / у
1.	Вдруг получил он в самом деле	у
2.	От управителя доклад	у — у / у —

В соответствии с этим используется выражение "вид начала".

2. В каждой строфе первые 12 строк делятся в порядке их следования на тройки. Для каждой тройки рассматриваются начала:

а) 1-ой и 2-ой строк (N_{12})

б) 2-ой и 3-ей строк (N_{23})

в) последней строки данной тройки и первой строки следующего отрезка текста (N_{31}).

Для последней (4-ой) тройки следующим отрезком текста будет двустишие, завершающее строфу. Для любой другой — таким отрезком является очередная тройка.

Пояснение к разделу и суммарные результаты по началам каждого вида в каждом названном соединении строк помещаются в приложении.

4. Для решения вопроса о случайности расхождений между абсолютными цифрами использовался статистический критерий χ^2 (уровень значимости 0,05).

Получены результаты:

а) для H_{1-2} и H_{2-3} :

- а₁) большее количество начал вида од. в H_{23} неслучайно ($P(X^2) = 0,0016$)
- а₂) меньшее количество начал вида р.д.ч. в H_{23} неслучайно ($0,023 \quad P(X^2) = 0,024$)
- а₃) расхождения в цифрах для начал вида о.д.ч. случайны ($0,5777 \quad P(X^2) = 0,5839$)

б) для H_{23} и H_{31} :

- б₁) большее количество начал вида од. в H_{23} неслучайно ($0,0042 \quad P(X^2) = 0,0044$)
- б₂) меньшее количество начал вида о.д.ч. в H_{23} неслучайно ($0,0455 \quad P(X^2) = 0,0483$)
- б₃) расхождения в цифрах для начал вида р.д.ч. случайны ($0,4348 \quad P(X^2) = 0,4386$)

в) для H_{12} и H_{31}

- в₁) расхождения в цифрах для начал вида од.случайны. ($0,4543 \quad P(X^2) = 0,4583$)
- в₂) большее количество начал вида од. в H_{31} неслучайно (т.к. расхождения между соответствующими цифрами в H_{12} и H_{23} случайно, а в H_{23} и H_{32} неслучайно).
- в₃) меньшее количество начал вида р.д.ч. в H_{31} неслучайно ($0,0429 \quad P(X^2) = 0,0455$)

Таким образом, суммарная статистика констатирует: большую одинаковость ритмической структуры первых слов двух последних строк тройки по сравнению с тем, что имеет место в обоих других соединениях; большую одинаковость ритмической структуры зачинов на стыке тройки и следующей части строфы по сравнению с тем, что имеет место для первых двух строк, принадлежащих тройке.

5. Для сравнения с суммарными данными рассматриваются соответствующие цифры по отдельным тройкам: (см. приложение).

Для случаев, которые в суммарной статистике не дают значимых расхождений, значимых расхождений не наблюдается и в статистике индивидуальной.

Для случаев, которые в суммарной статистике дают значимые расхождения, наблюдаются:

а) либо значимые расхождения, согласующиеся с расхождениями в суммарных цифрах;

б) либо незначимые при данном уровне расхождения. Причем без графы о.д.ч. для H_{31} во 2-ой и 3-ей тройках, несовпадение цифр дает уклон в сторону несовпадений в суммарной статистике.

Е. Орлов
(Донецк)

РИТМ В ПОВЕСТИ ГОГОЛЯ "СТРАШНАЯ МЕСТЬ"

1. Колон как единица ритма художественной прозы. Его количественная и качественная характеристика. Зачины и клаузулы во фразах и внутрифразовых колонах; их значение для характеристики ритма произведения или группы произведений.
2. Ритм авторской речи в повести "Страшная месьть": Его отличие от ритма других произведений Гоголя.
3. Андрей Белый о ритме прозы Гоголя, в частности, — о "Страшной мести". Метод Белого, его достоинства и недостатки.
4. Отличие ритма в XVI гл. (стилизация народной украинской думы) от ритма в других главах.
5. Особенности "ритмических ходов" в повести. Носители ритма и ритмические ряды. Ритмический ряд первых фраз глав. Альтернирующий ритм и столкновение ударных слогов.
6. Прямая речь как средство характеристики персонажей в плане ее ритма. Особенности ритма речи персонажей.

С. Гиндин
(Москва)

БРЮСОВСКАЯ СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ НАРОДНОГО СТИХА И РАЗВИТИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО СТИХА НА РУБЕЖЕ XIX - XX СТОЛЕТИЙ

1. В 1899 г. В. Брюсов пишет статью "О русском стихосложении" (опубликована как предисловие к книге А. Добролюбова "Собрание стихотворений", М., 1900). Наибольшее внимания в этой статье, наряду с первыми набросками концепции речевой природы стиха (см. "Вопросы языковедения", 1968, № 6, стр. 124 - 126) и трактовкой проблемы русской силлабики (см. "Вопросы языковедения", 1970, № 2), заслуживает постановка вопроса о русском народном стихе и о том, какое стихосложение полнее отвечает духу и строю русского языка. Брюсов утверждал, что народный стих коренным образом отличается от силлабо-тоники русской классической поэзии. Дальнейшие пути развития русского стиха должно привести если не к реставрации народного стихосложения, то к сближению с ним.
2. Предпринятое нами изучение черновых тетрадей Брюсова второй половины 1890-х гг. (Отдел рукописей Гос. Библиотеки СССР им. В.И. Ленина, ф. 386, карт. 3) показывает, что статья "О русском стихосложении" была заключительным звеном многолетних раздумий Брюсова над проблемой русского стиха. Изучение рукописей позволяет прояснить смысл и корни концепции Брюсова, ее отличие от теории П.Д. Голохвастова, с которой ее часто ошибочно объединяют.

Рукописи позволяют по-новому взглянуть на развитие стиха и стиховедения в их взаимосвязи: брюсовская статья предстает как второй после реформы Тредиаковского - Ломоносова случай опережения стиховой практики стиховедческой теории.

М. Лотман
(Тарту)

ОБ ОДНОМ ПОНЯТИИ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

0. В науке о стихе существует традиционное понятие звукового повтора. Чаще всего оно определяется как "эвфонический прием, заключающийся в повторении внутри стиха и в соседних стихах группы одинаковых или похожих звуков (Квятковский).
1. В работе вводится разделение звуковых повторов на два класса. Первый - аллитерации и ассонансы (повторы только гласных или только согласных). Второй - фонологических симплов (термин введен автором данной работы). Симплоги - повторяющиеся сочетания гласных и согласных.
2. В работе рассматриваются фонологические симплоги как явление значительно менее изученное, чем аллитерации и ассонансы.
3. Предлагается классификация симплов, в основном, построенная на базе классификации О.Брика для аллитераций. Вводится дополнительное понятие с и л н. Самая сильная симплога - сочетание ударной гласной с нажимной согласной (термин Брика). Предлагается шкала силы симплов.
С точки зрения силы можно различать в о з р а с т а в щ и е, у б ы в а ю щ и е и к о н с т а н т н ы е симплоги.
4. Предлагаемые теоретические положения иллюстрируются анализом стихотворения Н.Заболоцкого "Лишь ветер подует в дубраве..." (перевод из Г.Абашидзе).

ПРИЛОЖЕНИЕ

к работе М. Красноперовой "Замечания о ритме строфы "Евгения Онегина":

Пояснение к разделу 2 :

№ строка в строфе	Номера троек	Обозначения для начал строк	Номера в тройке	Обозначения для начал строк
1	I	H ₁₂	1	
2			2	H ₂₃
33		H ₃₁	3	
4			1	H ₁₂
5	II	H ₂₃	2	
			3	H ₃₁
6				
7			1	
8	III	H ₁₂	2	H ₂₃
9		H ₃₁	3	
10			1	H ₁₂
11	IV	H ₂₃	2	
12			3	H ₃₁
13				
14				

3. Определяется количество начал каждого вида в каждом названном соединении строк ².

² Статистика по тексту наводилась на электронной цифровой вычислительной машине БЭСМ-3М. Впоследствии, в связи с некоторыми изменениями в разбивке, статистика подверглась исправлениям вручную.

Суммарные результаты по всем тройкам таковы:

место по отношению к тройке	Итого:		
	1-2	2-3	3-1
вид начала			
о д	434	526	453
о д ч	487	473	524
р д ч	538	460	480
Итого:	1459	1459	1457

Таблица 2

К разделу 5

№ строка	№ троек	Итого:			
		I	II	III	IV
вид начала					
1 - 2	о д	109	102	114	109
	о.д.ч.	129	132	109	117
	р.д.ч.	128	131	142	137
Итого:		366	365	365	363
2 - 3	о д	136	131	130	129
	о.д.ч.	121	122	123	107
	р.д.ч.	109	113	111	127
Итого:		366	366	364	363
31	о д	109	117	108	119
	о.д.ч.	146	119	125	134
	р.д.ч.	111	129	130	110
Итого:		366	365	363	363

Итого: 1098 1096 1092 1089

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СЕМАНТИКИ В СВЯЗИ С ПОСТРОЕ-
НИЕМ МОДЕЛИ АНГЛИЙСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Э. Шаляпина /I МПШИЯ/

1. Работа над моделью английского словообразования, элементы которой излагаются в предлагаемых тезисах, связана с подготовкой словаря для системы англо-русского автоматического перевода с использованием семантики, разрабатываемой в I МПШИЯ им. М. Тореза. Ставится задача автоматического получения словарной статьи производного слова по словарной статье исходного слова и сведениям об используемых словообразовательных средствах. Это предполагает разработку морфологической и семантической классификации основ, а также тщательное исследование семантики соответствующих словообразовательных средств.

2. При описании словообразовательных средств весьма сложным является вопрос о разграничении явлений регулярного переноса значений и омонимии аффиксов. Чаще всего такое разграничение можно провести на основании того факта, что регулярный перенос значений затрагивает большинство основ данного семантического класса независимо от их морфологического оформления /следует говорить именно о большинстве, а не о всех основах, так как в отдельных случаях потенциально возможный перенос значений не реализуется из-за наличия в языке другого слова с требуемым значением, отсутствия необходимости выразить указанное значение или по другим, внешним по отношению к семантике причинам/. В тех случаях, когда некоторый аффикс присоединяется только к основам такого семантического класса, что все получаемые производные потенциально допускают подобный перенос, реализуемый в подавляющем большинстве случаев, соответствующее значение может быть приписано самому этому аффиксу. Основным доказательством того, что аффикс приобрел новое значение, является возможность образования слов с таким значением при присоединении этого аффикса к основам других семантических

классов. Примером образования у аффикса нового значения таким путем может служить возникновение значения "язык, характерный для X" /где X - значение исходной основы/ у суффикса *age*. Особенно большие трудности вызывает подобное явление, когда один и тот же аффикс может присоединяться к основам нескольких семантических классов. При этом, в зависимости от класса исходной основы перенос значений может происходить по-разному, и аффикс приобретает несколько сравнительно далеко отстоящих друг от друга значений. Для английского языка "рекордсменом" в этом смысле можно назвать суффикс *age*, имеющий не менее восьми разных значений. При всем при том это суффикс не только живой, но и продуктивный, по крайней мере в некоторых из этих значений /явным новообразованием является, например, слово *nickelage* - никелировка/.

3. От омонимии аффиксов следует отличать случай словообразования по конверсии от основ, уже являющихся производными. При этом необходимо не только определить, имеет ли место конверсия, но и выяснить ее направление. Предлагается следующий общий принцип: если имеется *n* основ с одинаковым морфологическим оформлением, таких, что все они относятся к морфологическому классу /части речи/ X, и среди них *m < n* основ омонимичны основам, принадлежащим к классу Y, причем между омонимичными основами существует достаточно четкая и единообразная семантическая связь, считается, что имеет место конверсия типа X → Y. В случаях неприменимости этого принципа /в частности, когда речь идет об основах, не имеющих аффиксов/, направление конверсии определяется по аналогии с уже известными случаями с учетом семантических признаков исходного и производного слова. Могут учитываться также данные о словообразовательной парадигме. Так, в установлении направления конверсии для двух данных основ может помочь знание части речи некоторой третьей основы, которая получена из одной из них с помощью такого словообразовательного средства, которое может применяться к основам и того, и другого класса, в зависимости от чего производная основа также принадлежит

к одной из двух разных частей речи /не обязательно тех же/. Этот прием, однако, не имеет самостоятельной доказательной силы и может применяться в конкретных случаях лишь при наличии и других свидетельств относительно направления конверсии. Все указанные положения можно проиллюстрировать на примере английских существительных и прилагательных на *-a*.

4. Определение направления словообразования оказывается особенно затруднительным при отсутствии в языке слова, которое является и морфологически, и семантически исходным для данной группы производных /для английского языка это явление весьма характерно из-за большого числа заимствований/. В связи с этим возникает вопрос о целесообразности введения в описание фиктивных, реально не существующих в языке корней. В ряде примеров их введение дает существенные преимущества, позволяя достаточно просто описать большое количество производных. Но если проводить этот принцип последовательно, описание не столько упростится, сколько усложнится, так как часто в языке существует только 2-3 слова с общим корнем, и по его форме нельзя предсказать, какие аффиксы используются для образования реальных основ. Более того, в отдельных случаях введение фиктивных корней может привести к появлению и фиктивных аффиксов, что представляется весьма нежелательным. В связи с этим фиктивные элементы модели, очевидно, применяться не будут, и в слове основы, входящие в такие группы, будут считаться связанными не морфологически, а чисто семантически /наличием общих элементов в толковании/.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА СЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ
"СВИНЬЯ" В МОСКОВСКОМ ПЕРЕВОДЕ-РЕДАКЦИИ ЛИТОВСКОГО СТАТУТА
Л. Аронайте /Вильнюсский ГУ/

Литовский Статут 1588 г., явившийся источником для Московского перевода, представляет собою свод юридических и общественных отношений, действовавших в Великом княжестве Литовском. Материалом для наших наблюдений явился МПРЛС. Однако введение названного памятника в научный

оборот осложняется тем, что памятник не датирован, а предположительно относится к XVII веку.

Данная работа является одним из опытов изучения лексики близкородственных языков в их системных связях. Настоящий очерк - часть работы, посвященной изучению лексико-семантической группы слов, обозначающих животных. Исследованию подвергается группа слов, скрепленных значением "свинья". Анализ материала ведется в плане сопоставления перевода-редакции Статута с "оригиналом" Литовского Статута.

Цель работы - проследить формирование определенной терминологии в двух близкородственных языках.

В исследуемом памятнике обнаружено 52 различных наименования животных. В настоящий очерк включается всего лишь 5 слов, являющихся различными обозначениями свиньи.

Как название особого вида животного в МПРЛС отмечается 2 раза слово свинья, соответствующее тому же слову в ЛС.

Белорусскому языку слово свинья известно с теми же значениями, что и русскому: "свинья - прям., перен. свинья" /БРС, 846/.

В МПРЛС использовано 3 раза слово боровь. "При абсолютной важности мясного направления именно в свиноводстве понятна древность названий борова, кастрированного самца свиньи. Таким названием является слав. **вочувъ*, претерпевшее в отдельных славянских языках важные семантические изменения: др.-русс. боровь "скотина породы овец и коз" - XIV в. /Срезн., I, 152/, "кабан и баран холощеный" - XIII в. /Срезн., I, 152/, русск. боров "кастрированный кабан..." Слав. **вочувъ* "кастрированное животное" продолжает расширенное и.-е. **воч-и-* "резать". Таким образом, развитие значения слова боров шло по линии сужения значения: от слав. "кастрированное животное" до "кастрированный кабан" в русском языке.

Белорусскому литературному языку слово боров неизвестно, но оно является достоянием некоторых диалектов /ДА, карта № 292/. Очевидно, лексема боров никогда не

входила в словарный фонд белорусского языка, оставаясь всегда за его пределами. Характерно, что оно не отмечается ни одним из привлеченных к исследованию белорусских словарей, а в ЛС слову боровь соответствует слово вепрь. С точки зрения современного русского литературного языка соответствие здесь неточное: блр. вепрь /совр. вяпрук/ означает "самец свиньи, кабан", а русск. боровь - "кастрированный самец свиньи". Для названия самца свиньи, некастрированного, в русском языке известно слово кабан. Вепрь - общеславянское, имеющее соответствия в балтийских языках /Шанский, 55/. Русскому языку это слово тоже известно. В памятниках письменности оно зафиксировано ещё в XI в. /Срезн., I, 243/, но значение его не совпадает с белорусским словом. На протяжении веков словарями русского языка вепрь трактуется как "дикий кабан", и только в некоторых говорах русского языка значение вепрь совпадает с белорусским словом: "вепрь - перм., вят. домашний кабан" /Даль, I, 173/; в некоторых говорах оно употребляется в ином значении: "диал. веперь, вепрь "боров"

Данные словарей, диалектов русского языка дают право предположить, что в XVII в. терминологизация слова боров ещё не произошла, оно могло употребляться в памятниках письменности в значении "самец свиньи". Именно в этом значении, надо думать, и употреблено слово боров в МПРЛС. Таким образом, с точки зрения языка XVII в. - времени памятника /перевода/ - соответствие русского боровь слову вепрь в "оригинале" не лишено точности.

И в русском, и в белорусском памятниках упоминается о таких видах борова, как кормный: "За борова кормного - копу..." /МПРЛС, I, 6, 368/ и некормный /русск. некормленный/: "За некормленного - поль копы" /МПРЛС, I, 6, 368/ - "За вепря кормного - копу грошей, за некормного - полкопы грошей /ЛС, 470/.

Кормный - "откормленный", кормленный - "откормленный на убой" /Даль, 2, 165/. Слово кормный "откормленный, жирный" в современном русском языке является устаревшим

и областным /ССРЛЯ, 5, 1436/. В МПРС упоминается ещё и о валошом борове: "За кнороза, за не валошного борова - полтина" /МПРС, 13, 6, 368/. Любопытно, что все эти три вида борова - кормный, некормленный и валошный - упоминается только в главе под названием "Цена быдлу великому и малому доморослому" /ЛС, 470; МПРС, 13, 6, 368/. Именно потому, что свиньи в хозяйстве предназначены для получения мяса, большое значение имеет степень их откормленности. Этим объясняется наличие таких определений, как кормный, некормленный. На основании этого существенно для животного качества за словом боров в русском языке и словом вепрь в белорусском утвердилось переносное значение "толстяк" /ССРЛЯ, 1, 576; Носович, 48/. В сельском хозяйстве существенным для животного является и признак кастрированный-некастрированный. Этим объясняется наличие определения не валошный /МПРС, 13, 6, 368/; в ЛС ему нет соответствия. Валошный, видимо, производное от вало/у/шить - "класть, легчить, холостить, скопить, подрезывать" /Даль, 1, 161/.

Для того, чтобы объяснить это несоответствие, необходимо рассмотреть историю слова кнорозь в обоих языках. Оно отмечается по одному разу обоими памятниками: "За кнороза, за не валошного борова - полтина" /МПРС, 13, 6, 368/ - "За кнороза - сорокь грошей" /ЛС, 470/.

В памятниках русской письменности кнорозь известно с XV в. /Срезн., 1, 1238/ в значении "кабан". Однако это слово недолго жило в языке; возможно, с самого начала оно было только книжным, церковнославянским. В Словаре М.Фасмера кнороз дается с пометой "стар" /Фасмер, 2, 264/, с пометой "црк." отмечается кнорозь у Даля /Даль, 4, 152/. Устарелый характер этого слова проявляется уже в МПРС - памятнике XVII в. Переводчик уточняет слово кнороз: "За кнороза, за не валошного борова..." Слово кнорозь не отмечается ни одним из привлеченных к исследованию словарей. Но оно известно некоторым русским говорам: "русск.диал. кнорос "некастрированный бык, вепрь" /смоленск/.

Белорусским говорам оно известно в несколько ином значении: кнорбзь - "нутрец, животное, у которого по оскопленению остается одно ядро. Не дохолощенный, особенно это случается у вепрей и лошадей" /Носович, 239; ДА, 884, карта № 291/; кнороз - "хряк" - в таком значении слово бытует в современном белорусском языке /БРС, 395/. Хряк - 1/ Самец свиньи. 2/ То же, что боров /обл./ /Ожегов, 856/. Известно слово кнороз и польскому языку: knoroz = kiernos-swinia samiec cały (niezrzebiony), stadnik (Słownik, 2, 329) "Боров" - kiernoz, knuz, stadnik /ПС, 26/. Таким образом, значения "самец свиньи" и "боров" недифференцированно соединены в одном слове knoroz. Вероятно, на то, что в белорусском языке сохранилось слово кнорозь /совр. кнороз/, оказал влияние польский язык.

Белорусское слово обладает теми же значениями, что и польское knoroz, также выражает нерасчлѐненное понятие, и тем самым отличается от русского слова, значение которого "самец свиньи". Из "оригинала" в МПРС попало слово кнорозь, но воспринимается оно со значением, свойственным русскому языку. Наличие описательного синонима не валошный боров в МПРС может быть объяснено либо потребностью разъяснить книжное, устаревшее слово кнорозь, либо, если предположить очень хорошее знание переводчиком языка "оригинала" - что закономерно и вероятно - потребностью ввести разграничение значений слова кнорозь, характерное для русского и не характерного для белорусского языка.

Схема позволяет заметить различия в названиях и значениях слов в обоих языках. Слово кнорозь в МПРС уже по значению слова кнорозь в ЛС, конкретнее:

	В русск. яз.		В белорусск. яз.
некастрированный	→	<u>КНОРОЗЬ</u> /МПРС/ <u>кабан</u> /совр. русск./	} <u>КНОРОЗЬ</u> /ЛС/ <u>кнораз</u> /совр. блр./
самец свиньи			
кастрированный	→	<u>БОРОВ</u>	
самец свиньи			

Наблюдается и такая картина: для некоторых терминов

план выражения /звуковой комплекс/ одинаков в обоих языках, но план содержания различен:

ВЕПРЬ → в русск.яз. - "дикий кабан" /ССРЛЯ, 2, 163/
→ в белор.яз. - "боров, кабан" /РБС, 40, 190/
ВЯПРУК

Анализ этой лексико-семантической группы слов приводит к выводу, что близкородственные связи белорусского и русского языков оказали влияние на наличие в обоих языках одних и тех же звуковых комплексов. Однако терминологизация их прошла в каждом языке по-своему, что обусловило семантическое различие данной группы слов в русском и белорусском языках.

Сравнивая схемы для МПРЛС и ЛС с современным состоянием языков, нетрудно заметить, что ни ко времени написания ЛС, ни ко времени его перевода /ХУП в./ терминологизация для слов, скрепленных значением "свинья", ещё не была завершена. Эта незавершенность сказалась и на изменении форм слов /см. поросенок/. Соответственно изменялся и характер лексико-грамматических связей между словами /ср. отношения вепрь и кнораз в ЛС и в современном белорусском языке, свинья "самка" и боров в МПРЛС и современном русском языке/.

РУССКИЙ ПАЛИНДРОМ

I. Тексты, II. Тип текста

В.АЙРАПЕТЯН (Ереванский ГУ)

ТИП ТЕКСТА

Предварительные соглашения

Будем различать семиотические понятия р е ч и н т е к с т а. Введем понятие диспозитора. Диспозитором $\langle D \rangle$ мы называем фильтр, располагающий согласно общеустановленным правилам множеством M фраз $\langle \text{речь} \rangle$, преобразованное знаковой системой S из смыслов U^S . Текстами $\langle T^S \rangle$ считается результат работы D .

Будем говорить, что вторичная моделирующая система S_{rs} образована на базе естественного языка S_n .

Пусть PA - подмножество множества операторов для D_r такое, что фильтрующая способность D_r выше нормы в T^S и такое, что PA отличает T_{pa}^S от $T_{p'b}^S$. Типом T_{pa}^S будем называть множество PA -образов, и только его.

Обозначения. S_r - русский язык. S_{rs} - вторичная моделирующая система, образованная на базе S_r . Под русским палиндромом понимается T , преобразованный некоторым D_r из визуального M_v , преобразованного S_{rs} .

Коннотатор "русский" необходимо сужает понятие палиндрома, показывая, что S_{rs} отлична от всякой S_{xs} прежде всего в той степени, в какой S_r отлична от всякой S_x .

D_r , вообще говоря, может присоединяться к любой S_{rs} . Для простоты предположим, что D_r не присоединяется одновременно к двум и более S_{rs} .

Определим понятие русского палиндрома. Пусть C - русский палиндром и D_{ps} - фильтр, располагающий M_v в C . Для всех T , если T преобразован D_{ps} из M_v , то T есть C .

2. Тип C

Введем понятие оператора конкретизации. ОК есть правило, согласно которому из абстрактной буквы получается ее вариант, конкретная буква, или из конкретной буквы получается другая конкретная буква. Алфавитный ОК приводит в соответствие с нормой серии дифференциальных элементов абстрактной буквы. Букву, полученную применением алфавитного ОК, и только его, мы назовем алфавитной буквой. Кульминативный ОК применением к букве специального метазнака, названного маркером, сигнализирует о вхождении буквы в синтагматическую единицу некоторого ранга. Число кульминативных ОК, применением которых получена буква, назовем весом буквы.

Действием ОК предваряется действие оператора позиции. Конкатенативный ОП определяет порядок соположения букв в цепочку, прямолинейную или непрямолинейную. Строчный ОП определяет положение строки в тексте, текстовый ОП опреде-

Пример 3. жтопоть
Среди типов текста, использующих симметрию, тип С простейший. Плоскостные и объемные типы используют более сложные, чем зеркальная, симметрии.

Пример 4. Текст *s a t o r
a g e p o
t e n e t
o p e r a
g o t a s* (ср. Симеон Полоцкий, Рифмологон. "Избранные сочинения". М.-Л., 1953, с. 121).

§ 3. Прагматика типа при синтезе С

Текст со значительным числом отклонений следует считать палиндромом. Ср. стихотворение Н. Асеева "Собачий поезд", в текст которого включен (см. ниже) палиндромид.

Сравнительно простой тип (§ 2) и маргинальное положение в корпусе поэтических текстов (§ 4) делают С благодарным предметом поэтики. Возможно дальнейшее построение грамматики С. Изучение сочетаемости букв в текстах поможет работа В.Н. Топорова (см. Топоров).

Важны последующие этапы построения. Представляется, что исследование разного рода фильтров во вторичных моделируемых системах, образованных на базе естественного языка, приближит к решению проблемы грамматической правильности (отмеченности) в нем.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ "СВЕРХФРАЗОВЫХ ЕДИНСТВ" /на материале сербского и русского языков/ Б. Маслов /Тартуский ГУ/

Для изучения какой-либо единицы нужно выйти за пределы этой единицы. Синтаксис, в основном, занимается словесным составом предложения. Изучение же предложения как целостной функциональной единицы должно включать в себя парадигматику и синтагматические связи предложений в тексте. Изучая синтагматику предложений, мы переходим на уровень парадигматики СЕ. ^{1/} Тут же возникают проблемы типологии пограничных сигналов. Отрицание существования СЕ равносильно отрицанию изоморфизма языковых уровней. Изоморфизм языковых уровней состоит в том, что единицы различных уровней языковой структуры обладают парадигмой. В этом смысле дифференциальный уровень ничем не отличается от других уровней.

В связанной речи существуют ограничения на сочетаемость единиц в силу требования позиции. Отсутствие таких ограничений в каком-либо месте текста указывает на обрыв связи. Этот принцип может быть использован для сегментации текста на различных уровнях, причем значение его возрастает с переходом на более высокие уровни языковой структуры.

Мы провели анализ одного текста на сербском языке. Затем этот текст был переведен на русский язык и проанализирован тем же методом.

Изучая структуру выделенных СЕ, мы различаем план содержания /типы структурных отношений между предложениями/, план выражения /здесь "согласование" мы называем формальным управлением, т.к. это зависимость с учетом грамматической характеристики управляющего предложения; "управление" мы называем дистрибутивным управлением, т.к. это зависимость с учетом дистрибутивного класса управляющего предложения; "примыкание" мы называем

нулевым управлением, т.к. это зависимость безотносительно к грамматической и дистрибутивной характеристике управляющего предложения/. Выделяем следующие типы структурных отношений между предложениями: детерминация, или односторонняя зависимость, это фундаментальный тип отношений; координация, или взаимная зависимость: координацию можно рассматривать как две детерминации, направленные в различные стороны; конstellация, или факультативная связь. План выражения показывает, чем выражены структурные отношения в линейной цепи. В плане выражения формальное, дистрибутивное и нулевое управление могут быть координативными, детерминативными и констеллятивными. Между единицами плана содержания и плана выражения нет одно-однозначных соответствий.

Выделяем понятия жесткого и слабого управления, связанные со степенью регламентации по различным категориям.

В зависимости от расположения взаимодействующих предложений относительно друг друга мы различаем следующие типы связи: контактная, дистантная, которые могут быть и прогрессивными и регрессивными, а также двусторонними при координативных отношениях. Кроме того, выделяется разрывная связь, примеры которой немногочисленны.

	прогрессивная	
контактная	регрессивная	детерминация
	двусторонняя	
дистантная	регрессивная	координация
	прогрессивная	
разрывная		детерминация
		констелляция

Исследуя структуру СЕ в этих параметрах, мы приходим к выводу, что в плане содержания преобладает структурное отношение детерминации. Координация наблюдается, в основном, между главным и придаточными предложениями, а также между предложениями с одинаковым структурным контуром. Но даже для этих случаев координация не всегда является обязательной. Констеллятивные отношения находим на стыке

СЕ, а также иногда и в случае вводных предложений, которые как бы рассекают монолитность СЕ, делают их более проницаемыми и создают ложные границы.

Сильное управление по наклонению чаще всего происходит при наличии возвратного глагола в подчиненном предложении, глагола обладания, действия. Сильное управление по времени случается при возвратных глаголах, при глаголах желаний. Зачастую трудно определить, откуда исходит регламентированность по наклонению, она как бы пронизывает всё СЕ. Это объясняется особым положением категории наклонения в структуре предложения.

В тексте на русском языке больше проявляется регламентированность по виду. В тексте на сербском языке, ввиду сохранения старой системы времен, эта регламентированность проявляется очень редко. Развернутая система времен делает видовые различия в сербском языке мало значительными, или, напротив, видовые различия приводят к тому, что некоторые глагольные формы почти не употребляются, хотя они и возможны.

Членение на СЕ в тексте на сербском и русском языке почти совпадает, но структуры СЕ в этих текстах несколько различны. Они различаются, например, степенью регламентированности, а также иногда и категориями, по которым происходит регламентация.

Взаимодействие ядерных структур осуществляется, в основном, по следующим линиям: имя' - имя", глагол' - глагол", имя' - глагол" и т.д. Здесь может быть много вариантов в зависимости от "формул" взаимодействующих предложений.

Для одинаковых по дистрибутивным классам слов линий взаимодействия характерны строго определенные сигналы структурных отношений в линейной цепи, т.е. план выражения в данном случае можно приписывать автоматически. Определенные линии взаимодействия дают определенный план выражения, ср.

Г спр. - связка - Ф → Ф, Ф → Д

Это сочетание собственно формального и формально-дистрибутивного управления.

связка - Г спр. - $\Phi \rightarrow \Phi$, $\Delta \rightarrow \Phi$

Это сочетание собственно формального и дистрибутивно-формального управления.

связка-связка - при жесткой регламентации

$\Phi \rightarrow \Phi$, $\Phi \rightarrow \Delta$, $\Delta \rightarrow \Phi$, $\Delta \rightarrow \Delta$ /вариант

полного управления/, но при слабом управлении мы имеем

$\Phi \rightarrow \Phi$, $\Delta \rightarrow \Phi$

Пары предложений с одинаковыми структурными контурами всегда вступают в одинаковые структурные отношения.

Преобладает контактная связь и детерминация, как тип структурных отношений. Детерминация обычно выражается собственно формальным управлением / $\Phi \rightarrow \Phi$ /.

Надфразовые связи для сербского и русского языков, как правило, аналогичны. Особенностью сербского языка является сохранение семи форм времени, поэтому и регламентация по времени оказывается более ослабленной по сравнению с русским языком. Однако, для обоих языков наиболее "работающей" оказывается категория наклонения, которая как бы пронизывает и цементирует всё СЕ, являясь тем стержнем, на который нанизываются другие категории, более безразличные к регламентации.

При координативной связи чаще "работает" категория числа, когда этому способствует соответствующее лексическое заполнение структурных схем. В этом случае, например, имена собственные оказываются инвалидными формами.

На уровне СЕ, впрочем, лексическое заполнение оказывается мало важным, преобладает формальное управление. В случае взаимодействия связок мы имеем дело с дистрибутивным управлением, но дистрибутивные классы этих слов представлены лишь одним членом.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О СИНТАКСИСЕ РУССКОЙ БЫЛИНЫ

А. БАЙБУРИН (Тартуский ГУ)

I. Рассмотрение синтаксических особенностей русской былины и подобных ей текстов других фольклорных систем обычно сводится к выявлению и классификации устоявшихся синтаксических фигур (повторы, параллелизмы), то есть к поэтическому синтаксису (Лирмунский, Якобсон, Steinitz, Austerlitz). Между тем, механизм синтаксиса былины интересен не только потому, что является основой своеобразной ритмики, но и как пример "устройства" жесткого подъязыка (наряду с деловыми, научными и др. подтипами). Жесткость проявляется не только в правилах отбора синтаксических конструкций, но и в правилах организации всего текста. В связи с этим традиционный объект синтаксиса - предложение - заменяется целым текстом, элементы которого рассматриваются с точки зрения их поведения в тексте (Pike, Fisi). Как правило, для выявления необходимых характеристик о способах соединения элементов (напр. предложения) в более сложные единства (напр. текст) служат такие показатели, как интонация, лексические переносы. Непригодность их использования для точного описания очевидна (кстати, именно лексические переносы лежат в основе многих фигур, выделяемых поэтическим синтаксисом). Исследования последних лет (Б. Гаспаров, Шведова) показали необходимость оперировать с этой целью формаль-

ными признаками (грамматические категории), что дает возможность получить конечный и легко исчисляемый список искомым параметров.

2. Текст былин рассматривается как последовательность синтаксических единиц - блоков (А, В, С...).

Грамматическое членение совпадает с границами смысловых фрагментов.

Аналогично объединению предложений в сверхфразовые единства, блоки, последние также соединяются между собой, причем эта связь не линейная, а гораздо более сложная:

А В С А В С . . .

Элементарное обновление блоков в тексте происходит следующим образом:

А В С А В С М В С М Д С М . . .

(Знак ↓ обозначает обрыв связи по признакам вида, времени, наклонения, рода, числа, лица, падежа).

3. Стих - операциональная единица, которой мы пользуемся при анализе структуры блока, характеризуется прежде всего тенденцией к синтаксической автономности, т.е. после каждого стиха можно поставить знак препинания эквивалентный точке. Второй особенностью стиха является цикличность построения, т.е. его структура должна удовлетворять требованию присоединения - отсечения определенного синтаксического цикла.

4. Правила построения стиха в связи с ритмикой былин.

Отмеченность (интонационная, фонетическая) конца (начала) стиха. Метрическое ограничение для позиции конца стиха (неупотребление женский клаузулы) - одна из причин нарочитой архаизации (Богатырѣв) лексики (инфинитив на -ти).

0. Общие места (ЛОСИ COMMUNIS) рассматриваются как естественные синтаксические трансформы.

СОДЕРЖАНИЕ

Л и т е р а т у р о в е д е н и е

	стр.
<u>О. Байбуз.</u> В. И. Ленин в поэмах Маяковского и творчестве Эйзенштейна	5
<u>К. Кумпан.</u> Ленинская периодизация русской общественной мысли XIX века и дискуссия о славянофильстве в современном литературоведении	5
<u>А. Байбурин.</u> О реализациях имени собственного в русских похоронных причитаниях	7
<u>А. Байбурин.</u> Функция загадки в свадебном обряде	11
<u>Е. Пиотровская.</u> О русской редакции "Повести об Акире Премудром"	13
<u>М. Антонова.</u> Стилистические особенности "Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьского"	16
<u>Л. Итигина.</u> О времени создания драмы "Акт о палестинских странах царицы"	18
<u>Ю. Рыков.</u> "История о великом князе московском князя А. М. Курбского как источник по изучению опричнины	19
<u>Е. Добрушкин.</u> В. Н. Татищев в работе над "Историей Российской" (толе-тологический анализ статьи "Истории" под 1113 г.)	24
<u>Е. Бешенковский.</u> "Российская история" Ф. А. Эмина как памятник исторической мысли XVIII века	28
<u>А. Аксенов.</u> А. И. Мусин-Пушкин - этимолог, коллекционер, источниковед и археолог	31
<u>И. Дущечкина.</u> Радищев и древнерусская литература	35
<u>Л. Петина.</u> Альбом пушкинской эпохи как вид литературного текста	36
<u>Г. Гитлина.</u> Е. М. Хитрово как социально-психологический тип русской женщины пушкинской эпохи	38

<u>М. Левин.</u> Проблема цикла в прозе И.Г. Эрен- бурга 1920-х гг.	39
<u>Р. Тищенко.</u> К анализу "Поэмы без героя". 2	42
<u>Д. Лапманов.</u> Семиотика и наука о литературе	46
<u>В. Крутоус.</u> Проблема мотивированности в сло- весном искусстве и семиотика	48
<u>А. Доценко.</u> К вопросу о структуре категории "стиль" в литературоведении и искусствоведении 20-х годов	51
<u>Л. Маллер.</u> Экспрессивно-тематический оре- ол трехстопного амфибрахия	55
<u>М. Красноперова.</u> Замечания о ритме строфы "Евгения Онегина"	59
<u>Е. Орлов.</u> Ритм в повести Гоголя "Страшная месть"	63
<u>С. Гиндин.</u> Брюсовская семантическая теория народного стиха и развитие рус- ского литературного стиха на рубеже XIX - XX столетий	64
<u>М. Лотман.</u> Об одном понятии фонологической организации поэтического текста	65
ПРИЛОЖЕНИЕ к работе М. Красно- перовой "Замечания о ритме стро- фы "Евгения Онегина"	65.

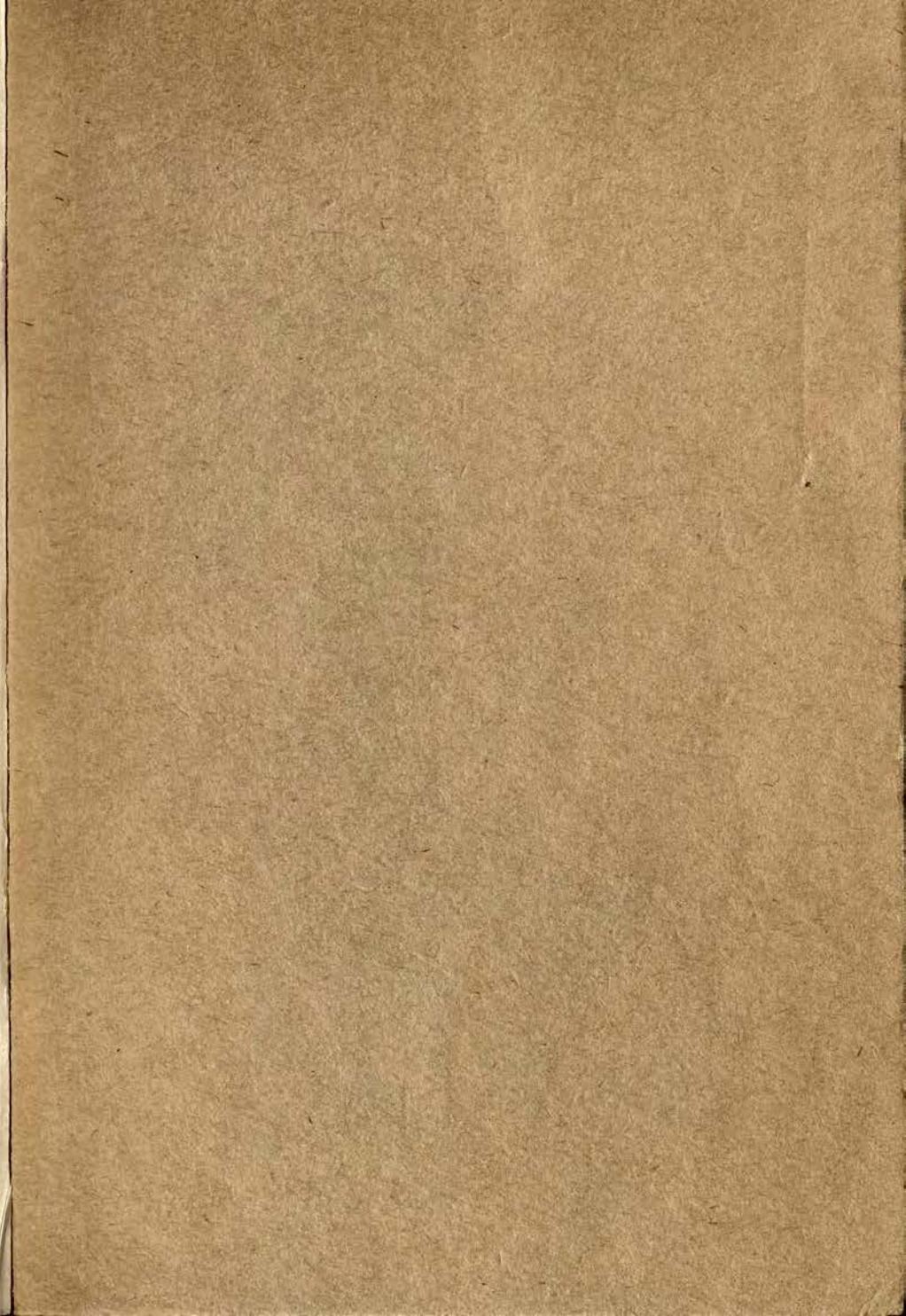
Л и н г в и с т и к а

<u>Э. Шаляпина.</u> Некоторые вопросы семантики в связи с построением модели англ- ийского словообразования	70
<u>Л. Аронайте.</u> Лексико-семантическая группа слов со значением "свинья" в мос- ковском переводе-редакции Литов- ского Статута	72
<u>В. Айрапетян.</u> Русский палиндром	77
<u>Б. Маслов.</u> Сравнительный анализ "сверхва- зовых единств"	82
<u>А. Байбурин.</u> Некоторые замечания о синтак- сисе русской былинны	86

МАТЕРИАЛЫ XXV СТУДЕНЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИНГВИСТИКА
На русском языке
Тартуский государственный университет
СССР, г. Тарту, ул. Ыльмисте, 18
Ответственный редактор П.А. Рудков

Ротапринт ТГУ 1970. Сдано в печать 17/II 1970 г.
Печ. листов 5,63 (условных 5,23). Учен.-издат.
листов 4,3. Тираж 300 экз. Бумага 30x42. 1/4.
МВ 00455. Заказ № 174
Цена 30 коп.

Faint, illegible text on the left page, possibly bleed-through from the reverse side. The text is too light to transcribe accurately.

Hind 30 kop.

XV

1A-6581

240121

TÜ RAAMATUKOGU

1 0300 00461109 3